

SAFERWORLD

PREVENTING VIOLENT CONFLICT. BUILDING SAFER LIVES

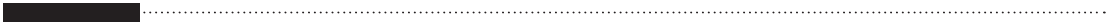
Центральная Азия на перепутье

меняющиеся роли России и Китая в регионе
и последствия для мира и стабильности

«Двигатель дружбы между Китаем и Таджикистаном» перед флагами России и Таджикистана, знаменующими партнерство между двумя странами. Душанбе, Таджикистан.

Июнь 2015

Центральная Азия на перепутье

**меняющиеся роли России и Китая в регионе
и последствия для мира и стабильности**

Благодарность

Этот отчет подготовлен Крейгом Олифант, Саймоном Миллс, Айваном Кэмпбелл, Бернардо Мариани, Майей Паасиаро и Танг Ксиаомин.

Мы благодарны за советы представителей программ Saferworld в Центральной Азии и Китае, а также за вклад Рафаэлло Пантуччи из Королевского Объединенного Института оборонных исследований.

Данный отчет публикуется при поддержке Совета по Экономическим и Социальным Исследованиям Великобритании.

© Saferworld, Июнь 2015. Все права защищены. Никакая часть данной публикации не может быть воспроизведена, сохранена или передана электронным, механическим, копировальным или другим способом без полного упоминания авторства. Saferworld приветствует и поощряет использование и распространение информации, представленной в данной публикации.

Содержание

1. Введение	1
1.1 Обзор	1
1.2 Обоснование	2
1.3 Методология	3
1.4 Справка	4
2. Контекст Центральной Азии: вопросы и динамика конфликтов	5
2.1 Обзор	5
2.2 Государственное управление	6
2.3 Идентичность	7
2.4 Экономические вопросы	8
2.5 Природные ресурсы	9
2.6 Управление границами	10
2.7 Организованная преступность	11
2.8 Экстремизм	11
3. Роль России в Центральной Азии и влияние на мир и стабильность	13
3.1 Справка	13
3.2 Экономический контекст	15
3.3 Экономическое воздействие на Центральную Азию	16
3.4 Евразийский экономический союз	17
3.5 Контекст безопасности	19
3.6 Россия и региональные многосторонние механизмы	21
3.7 Влияние событий на Украине	22
3.8 Отношения между Россией и государствами Центральной Азии	24
3.9 Взаимодействие Россия – Китай	27
3.10 Выводы	29
4. Роль Китая в Центральной Азии и его влияние на мир и стабильность в регионе	32
4.1 Справочная информация	32
4.2 Политический контекст	33
4.3 Факторы вовлеченности	34
4.4 Экономика	36
4.5 Политика и культура	39
4.6 Безопасность	40
4.7 Выводы	44

Центральная Азия

Карта представлена только для иллюстрации. Границы, названия и другие детали указаны в соответствии с общепринятыми практиками в регионе. Saferworld не несет ответственности за политическую или законную точность.

Резюме

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ НАХОДИТСЯ В ЭПИЦЕНТРЕ ГЛУБОКИХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ. Экономическая экспансия Китая в этот регион стремительно продолжается. В апреле 2015 г. Китай заявил об инвестиции капитала в размере 62 миллиарда долларов США в Новый шелковый путь – или «Экономический пояс шелкового пути» – масштабный инфраструктурный проект по сооружению дорог, железных дорог, портов и трубопроводов, через Центральную Азию в направлении Европы. Это подкрепляет целый ряд сделок, на заявленную сумму в 100 миллиардов долларов США, подписанных Председателем КНР Си Цзиньпин с четырьмя центральноазиатскими государствами в 2013 г., и подчеркивает растущую важность этого региона для Китая. Это дает природные ресурсы, энергоносители, а также новые рынки для китайского экспорта, одновременно с этим предоставляя жизненно важный перевалочный пункт на пути в Европу.

А в это время к западу от Центральной Азии Россия играет мускулами. Недавние события на Украине, а до этого – в Грузии, рассматриваются многими как попытка Москвы восстановить свою доминирующую роль в бывшей сфере влияния. Значимость событий на Украине для Центральной Азии не должна преувеличиваться, однако последствия этих событий могут быть далеко идущими. Теоретически Россия может применить ту же самую интервенционистскую логику – чтобы защитить этнических русских или конкретные российские интересы – в отношении других государств в своем окружении. Это привело к беспокойству в соседних регионах, включая Центральную Азию. Вкупе с российскими инициативами теснее сжать регион в экономических объятиях, есть опасения, что Россия попытается восстановить свои позиции здесь тоже.

Мир и стабильность в регионе будут в первую очередь определяться рядом конфликтных вопросов в странах Центральной Азии, а также динамикой в отношениях между этими государствами. Тем не менее, меняющиеся роли России и Китая будут также иметь значительные последствия. Как эти две отличные динамики – экономическая экспансия Китая на восток Центральной Азии и восстановление Россией своих позиций к западу – повлияют на Центральную Азию? И чего будет больше для этих пяти стран в регионе – Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана – возможностей или рисков?

До настоящего момента Россия и Китай сосуществовали в относительной гармонии в пространстве Центральной Азии, и кажется, что обе страны в общем хотят поддерживать видимость хороших отношений. Так, например, председатель КНР Си Цзиньпин сидел рядом с президентом Владимиром

Путиным во время Парада Победы в Москве в мае 2015 г., на церемонии, на которую отказались приехать большинство западных лидеров из-за ситуации на Украине. Однако если наступит критический момент, останется ли неизменным этот *modus vivendi*, существующий между Россией и Китаем в Центральной Азии? И что самое важное для региона, погруженного в нестабильность и конфликт с конца советской эпохи, – насколько повлияет эта меняющаяся геополитическая динамика на потенциальный мир и стабильность?

Для проработки этих вопросов организация Saferworld провела исследования в Центральной Азии, России и Китае. Целью исследований было рассмотреть различные элементы – коммерческие, дипломатические и военные – взаимодействие Китая и России с государствами Центральной Азии. И затем рассмотреть то, какая мотивация – экономика, безопасность или геополитика – лежит в основе их роли в Центральной Азии. Saferworld также рассмотрела, как растущее участие Китая и России воспринимается в самих государствах Центральной Азии, и как это влияет на двусторонние отношения. Настоящий доклад кратко представляет результаты проведенных исследований и анализирует последствия для мира и стабильности в Центральной Азии.

Отправной точкой было рассмотрение текущего состояния нестабильности в Центральной Азии. Используя существующие программы Saferworld и опыт анализа в регионе, этот доклад высвечивает целый ряд внутренних угроз стабильности, включая плохое государственное управление, отсутствие верховенства закона, расколотые общества, конкуренцию за ресурсы, контрабанду наркотиков, а также широко распространенную бедность. Если сюда добавить воздействие продолжающегося в Афганистане конфликта, особенно после вывода Международных сил содействия безопасности (ISAF), то слишком очевидной становится хрупкость мира и стабильности в регионе.

Россия традиционно является региональной державой в Центральной Азии и, несмотря на то, что после распада СССР ее влияние уменьшилось, она остается превосходящим других военным и политическим игроком. Однако недавний серьезный спад в российской экономике – рубль, обесценившийся почти наполовину по сравнению с долларом США в 2014 г. – продолжает сильно влиять на экономику государств Центральной Азии, и особенно это касается Кыргызстана и Таджикистана, поскольку они очень зависят от денежных переводов их граждан, работающих в России. Россия попыталась укрепить свое экономическое влияние в регионе в целом посредством Евразийского Экономического Союза (ЕАЭС), намереваясь создать единый торговый блок среди целого ряда бывших советских республик. Включение Казахстана и Кыргызстана в этот блок можно рассматривать как попытку укрепления экономической солидарности в Центральной Азии, которая сталкивается с непоколебимой экспансией торговли и инвестиций из Китая.

Россия обладает военной мощью для ответа на крупные угрозы безопасности в регионе, а также взятой на себя ответственностью, происходящей из советской эпохи и непрерывных двусторонних отношений. Она продолжает крупные инвестиции в военные объекты в Центральной Азии, одновременно с этим используя Организацию Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) для содействия и легитимизации своих интересов в регионе – точно так, как Китай использует Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС). Тем не менее, Россия продемонстрировала нежелание реагировать на вспышки насилия в регионе за прошедшее десятилетие, что указывает на нежелание вмешиваться до тех пор, пока под угрозой не окажутся ее собственная территория или предполагаемые интересы.

Китай видит свою роль в Центральной Азии прежде всего в экономике: это – основной механизм Китая, а также его потенциальный рычаг. В дополнение к

расширению своего присутствия в других частях света, политика Китая ведома в основном собственными нуждами экономического развития. Для удержания высокого уровня внутреннего экономического роста Китаю нужны новые рынки и новые ресурсы, и особенно это касается энергетических ресурсов. Центральная Азия предлагает значительные углеводородные ресурсы, а также новые рынки для китайского экспорта; и что важно – Центральная Азия также является альтернативным наземным маршрутом в Европу и на ее рынки.

Стратегия Китая в отношении Центральной Азии также формируется и его взглядом на безопасность внутри Китая. Китай волнует, что нестабильность в государствах Центральной Азии может перелиться в северо-западный район Китая – Синьцзян, в котором Китай уже давно пытается – и только с переменным успехом – устранить сепаратистское движение уйгурского этнического меньшинства. Политика Китая в области безопасности подчеркивает его крупные инвестиции в Центральную Азию, и за этим стоит аргумент, что эти инвестиции будут лить воду на мельницу экономического развития в регионе – тем самым сокращая потенциальные волнения в странах, граничащих с Синьцзяном – а это в свою очередь сократит угрозу для стабильности и территориальной целостности самого Китая.

По настоящее время, Китай, как кажется, не был против уступить России пальму первенства в делах прямого участия в политике или безопасности государств Центральной Азии. В официальных заявлениях Китай признает и уважает глубокую связь России с этим регионом, а также ее доминантную роль в нем. И по сей день это, кажется, хорошо подходит Китаю, так как это обеспечивает относительно стабильную атмосферу для его экономической экспансии, и при этом Китаю не нужно брать на себя крупной роли по обеспечению безопасности. Однако Россия неизбежно испытывает опасения не только по поводу экономической экспансии Китая, но и в связи с его программой военной модернизации, которая позволит Китаю развить и проецировать силу в приграничных зонах, включая Центральную Азию.

В то же время Китай является привлекательной моделью для государств Центральной Азии. Комбинация сильной государственной власти и рыночного капитализма без сомнения привлекательна для лидеров Центральной Азии, стремящихся развить экономику своих стран, при этом сдерживая инакомыслие и социальные волнения. Экспорт Китаем этой модели по экономическому поясу Шелкового пути предлагает желанную альтернативу как российской, так и западной экономической модели. Более того, приход крупного нового торгового партнера сократил экономическую зависимость стран Центральной Азии от России. Все это становится еще более важным, когда переводы работающих в России в рублях – а это основная статья дохода экономик Кыргызстана и Таджикистана – катастрофически обесцениваются.

Тем не менее, государства Центральной Азии не должны рассматриваться лишь как пешки в меняющемся соотношении сил в Центральной Азии. После многих десятилетий под пристальным вниманием Москвы они заинтересованы в том, чтобы стать независимыми странами. Растущее присутствие Китая и его влияние в регионе – несмотря на то, что на первый взгляд Китай кажется безобидным и сосредоточенным лишь на экономической интеграции – создало некое беспокойство по поводу его долгосрочных намерений. Попытки Китая взять в аренду земельные участки в Таджикистане и Казахстане, например, вызвали значительную неприязнь и антикитайские чувства среди местного населения. В это время Казахстан – самый важный союзник России в регионе – демонстрирует все меньше и меньше энтузиазма в отношении ЕАЭС и – наряду с другими государствами Центральной Азии – заметное отсутствие поддержки действий России на Украине.

В свете этих тенденций и динамики, каковы последствия для действующих лиц в области политики, занятых вопросами мира и стабильности в Центральной Азии? И конкретно, какие можно выявить отправные точки для взаимодействия с Россией или Китаем по профилактике конфликтов и управлению конфликтами в этом регионе?

С точки зрения Китая, Россия остается основным актором в области безопасности в Центральной Азии, и Китай преуменьшает свои возможности по взаимодействию в области управления безопасностью в регионе. Однако намечается растущая тенденция в возможностях и явном желании Китая вступать во взаимодействие. Китай предложил ограниченное количество оборудования и подготовку для центральноазиатских пограничников, а также установил более тесные связи с местными органами, обеспечивающими безопасность. Эти инициативы отражают обеспокоенность Китая относительно уйгурских диссидентов и других антигосударственных элементов, которые могут использовать базы в неуправляемых (или плохо управляемых) частях Центральной Азии.

В настоящее время любое участие Китая по вопросам, связанным с конфликтами, будет по всей вероятности осуществляться с учетом российских интересов. Действительно, маловероятно, что Китай будет взаимодействовать по вопросам конфликтов в Центральной Азии без предварительной консультации с Россией. Однако даже если центральноазиатские государства продолжают считать Россию своим главным гарантом безопасности, в долгосрочной перспективе вероятно, что они станут обращаться к Пекину за большей поддержкой в области безопасности. А пока на местном уровне Китай может захотеть выступить в роли брокера, чтобы защитить свои интересы в этом регионе, будь то связано с интересами китайских граждан или экономическими интересами.

И хотя акторы в области политики не должны надеяться, что Китай возьмет на себя лидирующую роль в управлении конфликтами в Центральной Азии, его растущие интересы в регионе дают возможность для взаимодействия, что в принципе может содействовать региональным усилиям в области безопасности. Стабильность в Синьцзяне и долгосрочное развитие провинции являются критически важными вопросами для китайского правительства. Учитывая географическую близость, содействие большей стабильности и безопасности в Центральной Азии играют в этом ключевую роль. Взаимодействие с китайскими акторами в области политики в отношении Центральной Азии с пониманием этих моментов поможет выявить общий знаменатель и отправные точки, где Китай может изъявить желание сотрудничать по вопросам, связанным с конфликтами.

Китай много инвестирует в Экономический пояс шелкового пути, и этот успех связан с лидерством Председателя КНР Си Цзиньпина. Поддержка этой инициативы или, по крайней мере, установление способов работы в рамках этой инициативы дает возможность побудить Китай играть более значимую роль в стабилизации региона. Более того, Европа находится по другой конец Экономического пояса шелкового пути, в который Китай вкладывает такие значительные ресурсы. Значит, акторы в области политики в Европе имеют возможность взаимодействия с Китаем относительно проекта, который Китай считает ключевым в отношении его национальных интересов, а также как обеспечение связи между Востоком и Западом. Тем самым Экономический пояс шелкового пути представляет собой потенциальное слияние интересов между Китаем и Европой.

Недавнее участие Китая в мирном процессе в Афганистане может также дать возможность конструктивного взаимодействия и диалога с целым рядом акторов, включая Запад, для более широкой динамики безопасности

в регионе, а также путей проработки риска распространения конфликта в Центральную Азию. Несмотря на внутренние соображения, которые могут стоять за официальной линией России, Китая и государств Центральной Азии в отношении исламистской угрозы, существует общая обеспокоенность – сдерживать угрозу военизированных группировок, экспортирующих насилие из Афганистана в Центральную Азию, включая Синьцзян.

В этом регионе, полном неопределенности, ясно одно – Китай и Россия будут играть еще более важную роль в Центральной Азии. Роль других ведущих стран и международных организаций (США, Евросоюз, ООН) по всей вероятности будет вторичной и ограниченной по сравнению с Россией и Китаем, особенно если учитывать окончательный вывод Международных сил содействия безопасности (ISAF) из Афганистана. Грядущие годы будут периодом дальнейших преобразований и возможных сотрясений в регионе, с различными точками давления, например, связанными с вопросами преемственности президентов в Казахстане и Узбекистане. На фоне геополитических сдвигов, описанных выше, отношения двух основных внешних акторов в Центральной Азии может преобразоваться в отношения возрастающей конкуренции и соперничества, а не прагматичного сотрудничества, что имело место по сей день.

Данный доклад подчеркивает эти и связанные тенденции в регионе Центральной Азии, включая то, как они связаны с динамикой местных конфликтов. Он ставит своей целью внести вклад в обсуждение того, как поддерживать мир и стабильность в этом меняющемся геополитическом контексте. Saferworld будет использовать этот доклад, чтобы информировать и развивать диалог с рядом политических сообществ: в Китае, России, западных центрах политики, а также в самой Центральной Азии. Китай именно сейчас проходит период разработки и адаптации политики по мере того, как он все больше взаимодействует с постконфликтными государствами, и это дает стратегическую возможность взаимодействовать с китайским политическим сообществом и помочь сформировать более конфликт-чувствительный подход в таких контекстах, как Центральная Азия. Неясно, есть ли пространство для таких обсуждений в самой России на момент написания этого текста; однако следует предпринимать все меры для улучшения обоюдного взаимопонимания среди ключевых акторов для наилучших шансов мира и стабильности в этом стратегически важном регионе.

1

Введение

1.1 Обзор

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ УЖЕ ДАВНО считается средоточением сложной геополитики, где соперничающие между собой великие державы ведут борьбу за влияние. Меняющееся соотношение сил, как глобально, так и внутри региона вообще, изменяет внешнюю динамику и приносит новые возможности, но также и новое давление. Экономическая экспансия Китая на запад является одной из этих динамик. Попытки России играть главенствующую роль в бывших советских республиках – это еще одна динамика. Недавние события, в первую очередь действия России на Украине и вывод Международных сил содействия безопасности (ISAF) из Афганистана вероятно также возымеют свои последствия для этого региона.

Между тем история пяти государств Центральной Азии – Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан – полна нестабильности как внутри этих стран, так и между ними, и большинство из них демонстрируют некоторую степень политической, экономической и/или социальной хрупкости. Они уязвимы перед волнениями из соседних стран, таких как Афганистан. Прошлые международные попытки сократить конфликт в регионе были только частично успешны. Меняющаяся геополитическая динамика несет в себе дальнейшие риски нестабильности и потенциального конфликта с применением насилия – но также и возможности консолидировать мир, поскольку новые акторы имеют все большее влияние над центральноазиатскими правительствами.

Данный доклад является одним из основных продуктов исследовательского проекта, анализирующего последствия меняющейся геополитики в Центральной Азии для мира и стабильности, при этом основное внимание в нем уделяется России и Китаю. Целью данного доклада является повышение осведомленности о рисках миру и стабильности, которые возникают из продолжающейся реконфигурации внешних акторов и влияния в регионе. И хотя конкретное внимание здесь уделяется России и Китаю, доклад дается в более широком контексте проекта организации Saferworld, «Восходящие державы и управление конфликтами в Центральной Азии». Данный проект получил поддержку Совета экономических и социальных исследований Великобритании как часть программы изучения восходящих держав и взаимозависимого будущего.¹

В дополнение к углублению понимания взаимодействия России и Китая в этих контекстах и лежащих в их основе мотиваций, данный доклад рассматривает то, как это влияет на динамику конфликта. Цель – не просто забыть в колокола, а внести вклад в обсуждение политики о том, как поддержать мир

и стабильность в Центральной Азии в этом меняющемся контексте. Доклад ставит своей целью улучшить взаимное понимание среди ключевых внешних акторов в подверженном волнениям и затронутом конфликтами регионе, в котором стратегическая конкуренция, вероятно, будет только возрастать. Говоря более конкретно, доклад намеревается предоставить информацию для конструктивного взаимодействия и диалога между центральноазиатскими, российскими, китайскими и западными акторами в области политики о различных путях профилактики, управления и разрешения конфликтов.

1.2 Обоснование

Мировой порядок меняется – будь он выражен как сдвиг от однополярного к многополярному или даже бесполярному миру. Отчасти это отражает изменения в соотношении глобальных экономических сил. Согласно опубликованной в октябре 2014г. статистике МВФ (Международный Валютный Фонд), Китай сейчас не только самая большая экономика в мире (при измерении по паритету покупательной способности (PPP)), но и семь самых больших формирующихся рынков – Китай, Бразилия, Россия, Индия, Мексика, Индонезия и Турция – в настоящее время превышают по ВВП (валовой внутренний продукт) уже давно существующую Большую семерку – группу из семи крупнейших индустриальных наций (также при измерении по паритету покупательной способности).²

Восхождение этих стран как глобальных экономических акторов меняет ландшафт в большинстве стран развивающегося мира, включая Центральную Азию. Для поддержания высокого уровня экономического роста большинство из этих восходящих держав нуждаются в доступе к ресурсам из целого ряда развивающихся стран. Увеличивающаяся активность за рубежом также вызвана и другими факторами, включая необходимость надежных каналов поставок, поиск новых экспортных рынков, а также озабоченность по поводу территориальной целостности и национальной безопасности. Возникновение, или точнее возврат, крупных новых игроков в затронутых конфликтами регионах, как например Центральная Азия, требует от лиц, ответственных за выработку политики, как в самих восходящих державах, так и на Западе, пересмотра их подходов к этому региону.

Продолжающаяся нестабильность в Центральной Азии подчеркивает постоянные проблемы управления, и поднимает вопросы об эффективности и устойчивости прошлых и настоящих подходов к управлению конфликтами. Взаимодействие России и Китая в Центральной Азии – экономическое, дипломатическое, а также с точки зрения безопасности – отражает превосходящее все остальное соображение региональной стабильности; однако здесь в основе лежит другой набор стандартов, отличающихся от используемых западными акторами (а также отличающихся от используемых друг другом). И если реакция Запада подвергалась в некоторой степени критическому анализу и тщательному изучению, то нет четкого понимания роли Китая и России в Центральной Азии, а также их влияния на мир и стабильность в регионе.

В мире Китай является самой влиятельной из всех восходящих держав, в основном из-за своего экономического роста и экспансии. Успех китайской экономики зависит от его доступа к заграничным рынкам и ресурсам, и Китай стал крупным инвестором во многих частях развивающегося мира, включая Центральную Азию. Массивные влияния китайских ресурсов – посредством инвестиций и торговли – в регион за прошедшие десятилетия означают, что Пекин имеет растущие рычаги политического давления в этих странах.

Россия была историческим гегемоном в Центральной Азии, и она удерживает лидирующую позицию во многих отношениях. Многие в Центральной Азии по-прежнему рассматривают Россию в качестве гаранта их безопасности, и другие страны рассматривают ее как самого важного внешнего актора, когда дело доходит до военных и политических вопросов. В более широком смысле, Москва пытается восстановить свое первоначальное влияние в традиционных географических позициях России – «ближнем зарубежье».

Данный доклад ставит своей целью повысить осведомленность о том факте, что динамика конфликта в Центральной Азии меняется в результате этих изменений в геополитике. Доклад рассматривает динамику растущей экономической роли Китая в Центральной Азии в то же самое время, когда Россия берет на себя более интервенционистскую роль по соседству. Как реализуются эти две траектории? Совместимы ли они, или же они приведут к росту конкуренции – в экономике, а может и в других сферах – между Россией и Китаем? Если сюда добавить последствия событий на Украине для Центральной Азии, а также вывод Международных сил содействия безопасности (ISAF) из Афганистана, то становится ясным, что в отношении региона существуют множественные элементы внешнего давления. Учитывая политическую, экономическую и социальную хрупкость нескольких центральноазиатских государств, каковы последствия для мира и стабильности?

1.3 Методология

Saferworld опубликовал ряд справочных докладов в 2013 г. с оценкой роли четырех ключевых незападных акторов в Центральной Азии: России, Китая, Индии и Турции.³ Эти доклады подготовили почву для более подробных исследований роли Китая и России, совмеща в себе исследования политики в столицах, а также исследования с выездом в регионы Центральной Азии.

В написании данного доклада использовались разные источники, включая целый ряд интервью, а также самый свежий политический анализ и отчеты в СМИ. Полуструктурированные интервью проводились в 2013 г. и 2014 г., как в Центральной Азии, так в России и Китае. 55 интервью было проведено в Кыргызстане и Таджикистане со срезом национальных заинтересованных лиц, включая правительственных чиновников, политиков, бизнесменов, представителей гражданского общества и местного населения. Интервью сосредоточились на ключевых исследуемых сферах, включая местное восприятие роли России и Китая в Центральной Азии, а также различные интересы – экономические, в области безопасности, геостратегические – которые формируют политику этих стран в регионе.

Еще 28 интервью были проведены в Москве, Пекине и Шанхае, где опрашивались научно-исследовательские центры в области политики, ученые, бизнесмены и журналисты для того, чтобы углубить понимание контекстов политики в России и Китае. Интервью также проводились с международными заинтересованными лицами, включая дипломатов, многосторонние агентства, международные НПО и научно-исследовательские центры. Записи интервью были пересмотрены и проанализированы для использования в данном докладе. При написании этого доклада были также использованы оценки конфликтов в Центральной Азии, заявления о принципах проводимой политики России и Китая в отношении этого региона, а также соответствующие статьи и научные публикации.

³ Saferworld (2013), «Меняющаяся геополитика в Центральной Азии», октябрь
www.saferworld.org.uk/resources/view-resource/770-shifting-geopolitics-in-central-asia

Данный доклад разбит на четыре раздела: введение; оценка центральноазиатского контекста, рассмотрение основных конфликтных вопросов и недавней динамики; роль России в Центральной Азии и ее влияние на мир и стабильность; и роль Китая в Центральной Азии и ее влияние на мир и стабильность. Несмотря на то, что разделы про Россию и Китай были написаны разными авторами, они имеют схожий подход, рассматривая природу и объем взаимодействия этих стран в Центральной Азии, с анализом более широкого спектра взаимодействия, включая экономику, безопасность, дипломатию, а также двусторонние и многосторонние подходы. Исходя из этого, они рассматривают какое воздействие роли России и Китая будут вероятно иметь на источники конфликтов и на динамику в регионе.

Как указано выше, целью данного доклада является информирование и стимулирование диалога среди китайских и российских лиц, а также лиц в Центральной Азии, действующих в области политики. Поэтому данный доклад был переведен на китайский и русский языки, и опубликован на них, а также на английском языке; он будет также широко распространен в китайских и российских политических сообществах. Saferworld организует политические семинары в Китае и России для обсуждения результатов исследования, а также для содействия обсуждению последствий для мира и стабильности и наилучших способах их проработки.

1.4 Справка

Saferworld – это международная неправительственная организация, работающая более 25 лет в области предотвращения и уменьшения насильственных конфликтов по всему миру. Основное внимание работы Saferworld сосредоточено на анализе того, как международные акторы взаимодействуют в затронутых конфликтами странах, чтобы подчеркнуть последствия для мира и стабильности, а также содействовать диалогу между различными заинтересованными лицами. Начиная с 2010 г., Saferworld расширил свою работу, уделяя внимание не только западным акторам, например, Великобритании и Евросоюзу, но и анализу роли и влияния восходящих держав. Так, за последние годы Saferworld провел ряд исследований и содействовал диалогу о роли Китая в Непале, Шри-Ланке и Южном Судане; о роли Турции в Сомали; и провел похожие исследования, анализируя растущую роль восходящих держав в затронутых конфликтами странах.

2

Контекст Центральной Азии: вопросы и динамика конфликтов

2.1 Обзор

ЧТОБЫ ПОНЯТЬ, как меняющиеся роли России и Китая могут повлиять на мир и стабильность в Центральной Азии, важно предварительно обрисовать контекст, в котором эти восходящие державы взаимодействуют. Этот раздел дает краткое описание пяти центральноазиатских государств, анализируя ключевые политические, социально-культурные, экономические и связанные аспекты контекста, которые формируют динамику конфликтов в регионе или являются ее локомотивом.

В целях данного доклада мы определяем Центральную Азию как состоящую из пяти бывших советских социалистических республик – Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана. По размеру их населения они отличаются – от многонаселенного Узбекистана (приблизительно 30 миллионов), до географически самого большого и малонаселенного Казахстана (16.5 миллионов) и самых небольших Кыргызстана (5.5 миллионов) и Таджикистана (8 миллионов). Этнически население региона представлено следующими национальностями: узбеки, казахи, таджики, туркмены, кыргызы, русские, уйгуры, корейцы, татары и дунганы.⁴ Большинство населения исповедуют мусульманство (сунниты) и в каждой стране есть также относительно небольшое количество православных христиан.

Все центральноазиатские республики стали независимыми в 1991 г. после распада СССР. Они были полностью политически и экономически интегрированы в СССР, начиная с 1918 г., и до этого они были частью Туркестана в царской России. За 24 года после независимости эти государства столкнулись с многочисленными вызовами, связанными с преодолением политической безызвестности и экономической изоляции, последствий конфликта в Афганистане, а также геополитического местонахождения между Россией и Китаем. Данный раздел ниже анализирует ключевые конфликтные вопросы в регионе, и предоставляет т.н. срез текущего состояния конфликтной динамики в 2015 г.

⁴ <http://worldpopulationreview.com/countries/>

2.2 Государственное управление

Все пять центральноазиатских стран являются номинально демократическими, хотя их можно также считать находящимися 'на шкале' авторитаризма, при этом Кыргызстан находится на самой большой отметке демократичности этой шкалы, а Туркменистан находится с другой стороны. Во всех пяти государствах в политике доминируют бывшая советская элита, деятельность политической оппозиции ограничена, и есть продолжающееся беспокойство о том, насколько свободными и справедливыми являются выборы. Правительство принимает решение, как правило, за закрытыми дверями, и государственные институты связаны с коррупцией и хищениями. В Казахстане, Узбекистане и Туркменистане – где доходы от природных ресурсов использовались для обеспечения элементарных социальных и экономических нужд граждан – есть некоторая степень политической стабильности. Тем не менее, в регионе в целом есть чувство, что правительства по большей части оторваны от нужд своих граждан.

Пространство для гражданского общества и политической оппозиции, чтобы выступать как механизм сдерживания и противовеса, было ограничено во всех центральноазиатских государствах, начиная с независимости, за исключением Кыргызстана.⁵ Текущая тенденция в регионе – это следование властей российскому примеру по дальнейшему сужению этого пространства, например, при помощи законов об «иностранных агентах» в отношении НПО, а также посредством подавления политической оппозиции.⁶

Это отражает более широкий подход центральноазиатских правительств, который в общем заключается в том, чтобы не давать своим гражданам выражать недовольство, вместо того, чтобы позволить его выразить и проработать. Проблема заключается в том, что этот подход приводит к накоплению социального, политического и экономического давления с потенциально взрывными последствиями. Если крышку снять или (сорвать) как в Кыргызстане в 2005 г. и 2010 г. и в Узбекистане в 2005⁷ – то возникает серьезный риск конфликта.

Различные предстоящие события в регионе можно выявить как потенциальные болевые точки. Из-за пожилого возраста и, как считается, плохого состояния здоровья некоторых из руководителей региона, президентская преемственность в Узбекистане и Казахстане будет критически важными моментами. Не опубликовано никакой стратегии по преемственности ни в одной из этих стран; так, что если связанные с президентами люди не забудут про свои региональные амбиции и соперничество в бизнесе, и быстро не договорятся о том, кто будет преемником, то внезапная кончина любого из этих президентов может стать толчком значительной нестабильности.⁸ Парламентские выборы в Кыргызстане в конце 2015 г. могут стать еще одной такой болевой точкой, если выборы не будут восприняты как свободные и справедливые, или если сильные политические акторы не будут удовлетворены результатами этих выборов.

Недостаточное обеспечение законности в большинстве стран Центральной Азии означает, что несправедливость в гражданской жизни, а также экономическая и социальная несправедливость являются частым явлением в жизни людей в Центральной Азии, и для разрешения споров и претензий чаще всего используются средства и связи, а не установленные законы, приводимые к исполнению. Самые публичные представители правоохранительных органов – полиция и службы безопасности вызывают страх, недоверие и считаются неэффективными защитниками населения от преступлений. Это применимо

5 www.rferl.org/content/political-space-for-central-asia-opposition/26879510.html

6 www.article19.org/resources.php/resource/37793/en/central-asia:-draft-amendments-to-the-legislation-regulating-the-activities-of-ngos-should-guarantee-freedom-of-association

7 В Кыргызстане были две революции с применением насилия в 2005 г. и 2010 г.; и попытка восстания в Андижанской области в Узбекистане была подавлена с применением силы в 2005 г.

8 www.bne.eu/content/story/great-succession-game

в некоторой степени ко всем пяти государствам Центральной Азии, при этом очень репрессивное государство Туркменистан находится с одной стороны этого диапазона, а Кыргызстан – с другой.

2.3 Идентичность

Кажется, что политика государств по созданию общей национальной идентичности со времени независимости не увенчалась созданием объединяющей и инклюзивной национальной идентичности или сильной национальной идеологии вместо социализма СССР во всех пяти центральноазиатских государствах.⁹ Это, среди прочих исторических факторов, означает, что другие идентичности – зачастую этнические или религиозные – значат гораздо больше для многих людей в Центральной Азии; и таким образом, зачастую именно эти другие идентичности формируют поведение, отношение людей и то, как они принимают решения. Это означает, что есть ряд сложных (и часто соперничающих между собой) разделений в обществе, которые могут стать линиями разлома во времена напряженности и нестабильности.

Тот факт, что национальные границы не соответствуют этническому составу в любом из этих пяти государств означает, что в каждом государстве есть ряд этнических меньшинств. С советских времен, в правительственных и государственных институтах по большей части ведущее положение занимали титульные этнические группы, и политика позитивной дискриминации в СССР по большей части уступила дорогу дискриминации и эксклюзивности за прошедшие два десятилетия. Властям обычно удается держать под контролем межэтническое напряжение в более сильных авторитарных государствах, однако межэтническое насилие на юге Казахстана показывает, что эти линии разлома существуют под поверхностью даже там.¹⁰ В Кыргызстане две основные этнические группы – кыргызы и узбеки – раньше доминировали в политических (кыргызы) и экономических (узбеки) сферах. Однако наблюдатели заявляют, что этнические узбеки не оправились от того, что их магазины и бизнесы захватили группы кыргызов во время этнического насилия 2010 г., и большое количество этнических узбеков эмигрировали, или просто не вернулись в страну после того, как бежали из нее.¹¹ Эта ситуация закладывает фундамент для потенциального будущего межэтнического конфликта.

Родовая принадлежность (племенное мировоззрение) и клановость также играют роль в формировании идентичности и лояльностей в Центральной Азии – и, следовательно, при делении власти и ресурсов. В Узбекской политике и власти, по видимости, доминируют самаркандские региональные союзники президента Ислама Каримова. В Таджикистане наследие гражданской войны означает, что северная Согдийская область и Горно-Бадахшанская автономная область по большей части отлучены от власти. В Кыргызстане власть переходила от Севера к Югу (здесь и культурно, и географически разделение проходит по горам) между революциями, и эта динамика сыграла значительную роль в насилии в 2005 г. и 2010 г. Была некая надежда навести мосты между разделением Север-Юг, а также устранить другие региональные и клановые разделы после свержения президента Бакиева в 2010 г., но пока этого не произошло. Политика в Кыргызстане продолжает характеризоваться борьбой за власть среди провинциальных кланов и политическим регионализмом.¹²

Относительно светский характер суннитского ислама Центральной Азии зачастую рассматривался как объединяющий фактор для большей части

9 www.rethinkinstitute.org/files/Fedorenko%20-%20Central%20Asia%20Nationalism.pdf

10 www.eurasianet.org/node/72006

11 www.rferl.org/content/four-years-after-ethnic-violence-a-glimmer-of-hope-in-kyrgyzstan/25423822.html

12 <http://thediplomat.com/2014/03/kyrgyzstan-the-next-ukraine/>

региона, как внутри самих государств, так и между ними. Однако все более открытое выражение этой религии – ношение платков, мечети, *хадж* и бороды – открыло новые линии разлома в обществе – между религиозным обществом и обществом светским. Есть несколько причин, по которым на религиозность по-видимому повысился спрос по всей Центральной Азии, включая эволюцию национальной идентичности после независимости, работу мусульманских миссионеров из Турции, Саудовской Аравии и Пакистана, а также молодежные моды.

Однако все эти события все больше объединяются с радикализацией и экстремизмом, и рассматриваются светскими частями центральноазиатского общества как угроза.¹³ По мере того как усиление религиозности в общем выражается по этническим линиям – когда этнические узбеки и таджики, например, все более открыто выражают свою веру посредством внешности – а антиклерикалы зачастую представляют государственные институты, то это возникающее разделение, вероятно, только усугубит существующую напряженность.

Присутствие этих разделений в обществе, а также ограниченная возможность и желание государств в регионе открыто их обсуждать и находить способы преодоления этих разделений, означает, что они, вероятно, продолжат формировать то, какие возможные конфликты могут возникнуть в будущем, когда общий котел недовольств перельется через край.

2.4 Экономические вопросы

Некоторые государства Центральной Азии – Казахстан, Туркменистан и Узбекистан – обладают значительными углеводородными и минеральными ресурсами (нефть, газ, золото и минералы), и есть значительные отличия в экономическом статусе этих пяти стран. Тем не менее, большинство населения Центральной Азии страдает от бедности, безработицы и отсутствия экономических возможностей; и две самые бедные страны региона – Кыргызстан и Таджикистан находятся в сложном финансовом положении. За исключением Казахстана, страны, богатые ресурсами, не использовали накопленные богатства для создания широкого экономического или социального развития. Узбекистан и Таджикистан являются значимыми производителями хлопка, однако их перерабатывающие и производственные мощности являются недоразвитыми.¹⁴ Во всех пяти странах наблюдается огромный упадок как фундаментальных прав человека, так и физической инфраструктуры – дороги, энергостанции, больницы и школы, в невыгодном положении находится и последнее поколение получивших образование в СССР специалистов, которые обеспечивали функционирование всей этой инфраструктуры.¹⁵ Быстрое обветшание инфраструктуры усугубляет растущую бедность и отчуждение от государства.

Эмиграция и трудовая миграция, в основном в Россию, стала стандартной стратегией выживания для простых кыргызских, таджикских и (в меньшей мере) узбекских семей. Приблизительно одна треть ВВП Кыргызстана и половина ВВП Таджикистана приходится на денежные переводы работающих там трудовых мигрантов. В прошлом эта эмиграция служила важным «клапаном сброса давления» в отношении претензий к государству; однако экономический спад в России и усиление политики по снижению иммиграции означают, что многие трудовые мигранты из Центральной Азии не уехали или не уедут в Россию в 2015 г., а вместо этого пополнят многочисленную армию

13 www.isn.ethz.ch/Digital-Library/Articles/Detail/?lng=en&id=93902

14 www.timesca.com/news/14824-tajikistan-to-double-domestic-cotton-processing-in-2015

15 www.crisisgroup.org/en/regions/asia/central-asia/2011-central-asia-decay-and-decline.aspx

безработных у себя дома.¹⁶ Социально-экономическое давление, происходящее от большого количества незанятых молодых (в основном) мужчин может привести к серьезным последствиям для стабильности в Кыргызстане, Таджикистане и Узбекистане.

2.5 Природные ресурсы

В то время как Туркменистан, Казахстан и (в меньшей степени) Узбекистан контролируют углеводороды региона, почти все запасы воды Центральной Азии находятся в горных Кыргызстане и Таджикистане. В советские времена эти ресурсы просто перераспределялись между республиками; со времен независимости богатые углеводородами государства стали требовать платить за нефть и газ и отказывались платить за воду. Поскольку Кыргызстан и Таджикистан контролируют воды региона, при этом не имея реальной возможности вырабатывать энергию, кроме энергии воды, то они зависят от стран вниз по течению, которые продают им газ и нефть в зимний период.

Это означает, что во времена напряженности между лидерами пяти государств – исторически в основном между Кыргызстаном, Таджикистаном и Узбекистаном – эти природные ресурсы используются как рычаги давления в отношении соседей, и любые разногласия могут непосредственно подействовать на в основном сельскохозяйственное население региона. Если, например, Узбекистан решит придержать поставку газа (как это имело место в отношении южного Кыргызстана в 2014 г.)¹⁷, Кыргызстан и Таджикистан будут вынуждены использовать большинство хранимых в резервуарах запасов в зимний период, чтобы производить гидроэнергию, что приведет к недостаточному количеству воды для орошения в следующий посевной сезон.

На местном уровне нехватка воды и электричества разжигает недовольство населения в отношении правительств, которые, как считается, не умеют руководить этими вопросами, но также могут и вызывать напряженность с сообществами в соседних странах, с которыми они совместно используют водные и ирригационные каналы. Страны вниз по течению противостоят любым попыткам стран выше по течению расширить их мощности по производству гидроэнергии при помощи строительства дамб (например Рогунская дамба в Таджикистане и Камбарата 1 в Кыргызстане), поскольку они могут повысить их уязвимость из-за нехватки воды.¹⁸ Недавние исследования показали, что воздействия климатических изменений вероятно только усилят напряженность между государствами Центральной Азии в отношении управления ресурсами в средней и долгосрочной перспективе.¹⁹

Несмотря на десятилетия переговоров и попыток способствовать сотрудничеству, перспективы сотрудничества со стороны лидеров региона по разрешению проблем с природными ресурсами не внушают надежды. Возможно из-за поддержки, которую Россия пообещала в рамках ЕАЭС, Таджикистан заявил о своем намерении завершить строительство Рогунской дамбы, несмотря на возражения Узбекистана, а Кыргызстан угрожает порвать связи с Узбекистаном и Таджикистаном в результате споров по поводу природных ресурсов и границ.²⁰

¹⁶ www.eurasianet.org/node/71471

¹⁷ www.jamestown.org/programs/edm/single/?tx_ttnews%5Btt_news%5D=42912&cHash=1ee0f2edbe5b9af0b8dd63dc70b0c114#.VPcV8i7p0Xg

¹⁸ www.jamestown.org/single/?tx_ttnews%5Btt_news%5D=42754&no_cache=1#.VO8zxS7p0Xg

¹⁹ <http://jpr.sagepub.com/content/49/1/227.short>

²⁰ www.jamestown.org/programs/edm/single/?tx_ttnews%5Btt_news%5D=42912&cHash=1ee0f2edbe5b9af0b8dd63dc70b0c114#.VPcV8i7p0Xg

2.6 Управление границами

Сложные линии демаркации границ, присутствие анклавов и эксклавов, а также преобразование административных границ в границы международные – все это было источником напряженности между государствами Центральной Азии со времен независимости. Межгосударственные споры в отношении земель по большей части были сняты длительным процессом демаркации и делимитации границ Центральной Азии за прошедшие двадцать лет. Однако доступ к пастбищам и культивируемой земле остается источником напряженности на территориях между Кыргызстаном и Таджикистаном и Узбекистаном, там, где все еще есть оспариваемые земли.

Эта напряженность сосредоточена в особенности на стокилометровом участке земли между Исфаринским районом Таджикистана и Баткенским районом Кыргызстана. Конфликт разворачивается в основном на местном уровне, где напряженность и стычки являются регулярным явлением, однако и принятие решений на национальном уровне тоже влияет на эту ситуацию. Кыргызстан считает использование своей земли в малонаселенной Баткенской области гражданами Таджикистана из густонаселенной Согдийской области популяризацией и угрозой своей территориальной целостности и реагирует наращиванием инфраструктуры в регионе и политикой по ограничению использования и покупки свободной земли гражданами Таджикистана.

Такая политика усиливает напряженность на местном уровне, и граждане чувствуют, что их свобода и средства существования ставятся под угрозу соседним государством. Зачастую такая напряженность усугубляется отсутствием консультаций между соседними властями и – если между властями идут консультации или есть соглашения – недоведением этих соглашений до сведения местного населения. Напряженность также имела место в области приблизительно трехсоткилометрового участка оспариваемой земли на границе между Кыргызстаном и Узбекистаном; однако она менее заметна в повседневной жизни из-за сильно охраняемой узбекской границы.²¹

Начиная с 2014 г., наблюдатели предупреждали о повысившейся напряженности вдоль границы между Кыргызстаном, Таджикистаном и Узбекистаном.²² Маловероятно, что такие споры будут разрешены без более эффективного процесса демаркации и делимитации с межгосударственным сотрудничеством и компромиссом, вкупе с местными трансграничными консультациями и переговорами, а также системой управления границами, позволяющей людям торговать и передвигаться без страха. Несмотря на некоторые знаки, что Узбекистан в настоящее время готов сотрудничать с соседями, история указывает на то, что долгосрочные изменения в этой сфере будут маловероятными.²³

Управление границами между государствами Центральной Азии также играет роль в разжигании напряженности как на местном, так и на национальном уровне. На местном уровне присутствие, поведение и отношение пограничников – обычно молодых и неопытных новобранцев срочной службы – зачастую усиливает напряженность между сообществами, проживающими по обе стороны границы. Имеют место частые инциденты в отношении перехода границы из-за отсутствия прозрачности о законных требованиях по пересечению границы, коррупции и отсутствия осведомленности граждан о своих правах и процедурах. Местные сообщества почти единогласно заявляют о плохих отношениях с пограничниками и полицией, и зачастую обвиняют их – особенно тех, кто служит в соседних странах – в запугивании, преследованиях и вымогательстве.

21 www.rferl.org/content/jajal-abad-uzbek-kyrgyz-border-guards-death/26689990.html;

www.rferl.org/content/kyrgyzstan-uzbekistan-border-shooting-hunters/26801084.html

22 www.rferl.org/content/six-detained-for-illegal-border-crossing-in-kyrgyzstan/26880016.html

23 <http://thediplomat.com/2015/02/uzbekistan-karimovs-impending-unconstitutional-reelection/>

На национальном уровне открытие и закрытие границы используется как механизм реагирования на угрозы, которые, как считается, приходят от соседних государств или для манипулирования процессом принятия решений по поводу спорных вопросов. Например, Узбекистан периодически закрывает свою границу с Таджикистаном, чтобы не дать стройматериалам дойти до Рогунской дамбы; в 2005 г. и 2010 г. Узбекистан и Казахстан закрывали свои границы в ответ на политические волнения в Кыргызстане; в 2014 г. Кыргызстан закрыл свои границы с Таджикистаном в ответ на инциденты на границе.

Проблемы управления границей в Центральной Азии – включая коррупцию и барьеры для трансграничной торговли – означают, что регион остается уязвимым в отношении таких транснациональных угроз, как организованная преступность и контрабанда наркотиков. В ответ на воспринимаемые угрозы национальной безопасности – например, от боевиков из Афганистана после вывода Международных сил содействия безопасности – правительства Центральной Азии выдвигают новые решения пограничных вопросов, которые могут иметь эффект усугубления конфликта и отсутствия безопасности. Так, например создание добровольных батальонов, состоящих из молодых вооруженных лиц в Кыргызстане и Узбекистане для патрулирования приграничных районов вероятно усилит чувство незащищенности среди местных граждан, в то же время создавая возможности для коррупции.²⁴

2.7 Организованная преступность

Сети организованной преступности занимаются траффиком людей, контрабандой наркотиков, оружия, взрывчатых материалов, а также драгоценных металлов, таких как золото и алюминий, через Центральную Азию.²⁵ Считается, что приблизительно 30 процентов героина, производимого в Афганистане, провозится через государства Центральной Азии по пути на рынки России и Восточной Европы. Сообщается, что существуют связи между официальными лицами и наркоторговцами во всех пяти странах, что во всех случаях влияет, в большей или меньшей степени, на внутреннюю политику.²⁶

Анализ насилия в 2010 г. в Кыргызстане указывает на значительную роль в нем преступных банд и маловероятность того, что эти банды поддержат передачу политической власти, если это подорвет их влияние.²⁷ Вспышки насилия в восточном Таджикистане, в Горно-Бадахшанском районе с 2012 г. возможно связаны с борьбой между правительственными силами и местными полевыми командирами за контроль над маршрутами контрабанды.²⁸ Звено преступность-государство усиливает вероятность перерастания политической нестабильности в регионе в насилие из-за доступа этих групп к оружию и «физической силе», в то же время подрывая перспективы реформы государственного управления.

2.8 Экстремизм

В настоящий момент нет четких данных, указывающих на то, что организованные преступные сети связаны с вооруженными экстремистскими группировками в регионе, как например Исламское движение Туркестана и Союз исламского джихада.²⁹ Также нет сомнений, что угрозы вооруженных

24 www.theguardian.com/world/2014/oct/16/kyrgyzstan-uzbekistan-civilian-militias-border-security

25 www.unodc.org/unodc/en/organized-crime/assessments.html

26 Льюис Д (2010), «Самая пора для Шелкового пути: Парадокс Центральной Азии», *World Policy Journal* 27 (1, весна 2010 г.), pp 39–49; http://muse.jhu.edu/journals/world_policy_journal/v027/27.1.lewis.pdf

27 www.operationspaix.net/DATA/DOCUMENT/4508~v~The_Role_of_Organized_Crime_and_Drug_Trafficking_in_Kyrgyzstans_Ethnic_Crisis.pdf

28 www.eurasianet.org/node/68393

29 <https://www.opendemocracy.net/od-russia/john-heathershaw-david-w-montgomery/%E2%80%98muslim-radicalisation-of-central-asia%E2%80%99-is-dangerous-1>

экстремистов и «террористов» в Центральной Азии, а также проникновения нестабильности из Афганистана несоразмерно представляются в нарративах правительств, когда они объясняют проблемы региона – как для того, чтобы оправдать подавления, так и для привлечения международной поддержки. Поддержка этих теорий, с которой громогласно выступили Россия и Китай, придает некую достоверность этим страхам,³⁰ хотя наблюдатели также отмечают, как воспринимаемая угроза исламского экстремизма играет на пользу российских интересов по увеличению ее присутствия в сфере безопасности в регионе.³¹

И хотя фактического насилия со стороны экстремистских группировок в Центральной Азии было очень мало, есть определенная причина беспокойства по поводу существования ячеек таких групп в регионе.³² Нельзя отрицать повышения уровня активности Талибан рядом с афгано-таджикской границей;³³ также есть сообщения о том, что группы боевиков – Исламское движение Узбекистана (ИДУ), Исламское государство (ИГ), и Талибан – активизировались рядом с границей с Туркменистаном за прошлый год.³⁴ Более того, приблизительно 2000–4000 лиц из Центральной Азии уехали в Ирак и Сирию, а также в Афганистан, чтобы вступить в ряды Исламского государства или Талибан; есть опасения, что некоторые из них вернуться с намерением принести насильственные ваххабитские учения в регион.³⁵ Однако кажется маловероятным, что относительно малочисленные джихадисты заручатся поддержкой среди в большинстве своем умеренных мусульман Центральной Азии, или что лидеры боевиков в Ираке, Сирии или Афганистане согласятся поддерживать насилие в Центральной Азии как приоритет в ближайшем будущем.³⁶

На самом деле большую угрозу представляет собой политика неизбежного подавления любой исламистской группы в регионе, продвигающей форму ислама, отличную от сдержанной версии, которую принимает и поддерживает государство. Все, кто хотят исповедовать ислам независимо или связывать его с какой-то определенной политической философией, могут подвергаться гонениям как преступники или «террористы».³⁷ Именно поэтому такие политические исламские группы, как Хизб ут-Тахрир и Джамаат таблиг запрещены (почти) везде в регионе, и многие последователи этих групп в настоящее время отбывают тюремные сроки.³⁸

Вероятное продолжение этой политики означает, что несмотря на то, что угроза вооруженного экстремизма в настоящее время является достаточно низкой, она может увеличиться в средней и долгосрочной перспективе. В дополнение к этому, то, как угроза вооруженного экстремизма подается в некоторых государствах Центральной Азии, несет в себе риск подрыва внутреннего мира и безопасности. Например, заявления киргизских властей о том, что большинство граждан Кыргызстана, воюющих на стороне Исламского государства, являются этническими узбеками, может подорвать улучшения в отношениях между этническими группами в Кыргызстане, наступившими после конфликта 2010 г., и содействовать ухудшению межобщинного доверия.³⁹

30 www.rferl.org/content/russia-afghanistan-militants-central-asia-tajikistan-uzbekistan-turkmenistan/26768392.html

31 www.eurasianet.org/node/71561

32 <http://carnegieendowment.org/2014/08/13/jihadism-in-central-asia-credible-threat-after-western-withdrawal-from-afghanistan>

33 www.eurasianet.org/node/71561

34 www.rferl.org/content/afghanistan-islamic-extremists-turkmenistan/26893845.html

35 www.crisisgroup.org/en/regions/asia/central-asia.aspx

36 www.rferl.org/content/kyrgyz-claim-islamic-state-allocated-70-million-destablize-central-asia/26805854.html

37 <http://carnegieendowment.org/2014/08/13/jihadism-in-central-asia-credible-threat-after-western-withdrawal-from-afghanistan>

38 www.crisisgroup.org/en/regions/asia/central-asia/B097-central-asia-islamists-in-prison.aspx

39 www.rferl.org/content/isis-kyrgyzstan-kyrgyz-uzbeks-syria-fighters-islamic-state/26905648.html

Роль России в Центральной Азии и влияние на мир и стабильность

3.1 Справка

МЕСТО РОССИИ В МИРЕ является критически важным фактором в современной глобальной политике. То, как Россия взаимодействует с бывшими советскими соседями и их реакция сформирует картину безопасности в Евразии, и будет иметь более широкие последствия для международных отношений и баланса глобальных сил. Российские отношения с Украиной – и особенно интервенция в 2014 г. через *фактическую* аннексию Крыма и поддержка повстанцев на востоке Украины – доминируют и будут доминировать политический ландшафт и текущую стратегическую повестку дня. Государства Центральной Азии с беспокойством наблюдали за развитием событий на Украине в 2014 г. и 2015 г. Время покажет, являются ли действия, предпринятые там Москвой, индикаторами будущих попыток восстановить свое влияние в других местах по соседству, и особенно в Центральной Азии, или же они представляют собой некий водораздел и являются признаком ослабляющейся позиции Москвы, что конечно же несет в себе ряд уже других вызовов.⁴⁰

Доклад Saferworld, опубликованный ранее (*Роль и интересы России в Центральной Азии*, октябрь 2013 г.) дает краткий экскурс в историю подхода России к Центральной Азии.⁴¹ Этот доклад выделил несколько моментов относительно текущего статуса отношений между Россией и Центральной Азией. Первый момент – это то, что Москве было трудно смириться со своей постсоветской ролью: с восприятием, да и с реальностью своего сократившегося влияния в соседних странах, которые раньше были частью СССР. За прошедшие 25 лет отношения между Россией и пятью странами Центральной Азии изменялись. Тем не менее, как это уже подчеркивалось в докладе 2013 г., слухи о кончине российского места в регионе преувеличены. И события последних 18 месяцев говорят о том, что Россия желает укрепить свою позицию в Центральной Азии, и это желание усиливается.

⁴⁰ См например, Центр стратегических и международных исследований (CSIS) – Брифинговая записка, 1 января 2015 г.; и *The Diplomat*, 9 января 2015 г.

⁴¹ Saferworld (2013), «Роль и интересы России в Центральной Азии», октябрь.

Предыдущий доклад установил, что в очень сложном и меняющемся контексте, Россия в ближайшем будущем вероятно останется самым заметным внешним игроком в Центральной Азии, как в плане политических отношений на самом высоком уровне, так и в плане сотрудничества в области безопасности в регионе. Однако Москва медленно и неохотно смирилась со своей новой ролью в регионе, признавая, что теперь она – один из многих игроков. Быстрее всего в Центральной Азии продолжают расти роль и значимость Китая, как экономического актора, и рост этот неумолимый и поступательный. Это демонстрируется тем фактом, что начиная с 2010 г. Россия уже не является первым по значимости партнером всех пяти государств Центральной Азии в целом; и конкретно в Казахстане, Кыргызстане и Туркменистане Китай перегнал Россию.

Как указывалось в предыдущем разделе по контексту Центральной Азии, этот регион уже сталкивается с рядом внутренних угроз стабильности из-за слабых и коррумпированных правительств, разделенных обществ, контрабанды наркотиков и их разлагающего воздействия на государственные институты, групп радикалов, а также широко распространенной бедности. В дополнение к этому, действия России в отношении Украины и их последствия являются важной частью фона при рассмотрении роли России в Центральной Азии и последствий для стабильности в регионе. Учитывая последствия событий на Украине и ущерб, нанесенный статусу России на международной арене, а также меняющиеся отношения по соседству, каковы последствия конкретно для российского взаимодействия и стратегии в Центральной Азии?

Одна причина оценить эти последствия – это проверить, будет ли подход России к Центральной Азии в 2015 г. и после ознаменован значительным отступлением, когда в игру вступят новые факторы. Или он по сути своей останется того же образца, который сформировался с момента прихода к власти Владимира Путина в 2000 г?⁴² То есть подход к Центральной Азии, который характеризовался как навигация в мутных водах «управляемой нестабильности», с предпочтением взаимодействовать с соседними государствами, которые являются достаточно слабыми для того, чтобы подвергаться влиянию, но сильными, чтобы оставаться на плаву.⁴³ Другие могут сказать, что подход России меняется, и что он будет продолжать меняться и обретать новую интенсивность. Даже если не учитывать воздействие событий на Украине, обстоятельства в Центральной Азии и за ее пределами, возможно, подталкивают к более практическому подходу Москвы в отношении региона.

В любом случае, «все по-прежнему» или новый уклон, ведомый меняющимся политическим ландшафтом, остается факт, что Центральная Азия играет критически важную роль в целях президента Путина по обеспечению России роли ведущего игрока в самом сердце Евразии. Однако с этой позицией связан ряд вызовов, среди которых есть как внутренние, так и внешние факторы. Дома, спустя пятнадцать лет после прихода президента Путина к власти, Россия стоит на особо непростом распутье в середине 2015 г.: экономически в результате падения мировых цен на нефть и западных санкций; геополитически, из-за конфронтации с Западом по поводу действий России на Украине; и политически, когда президент Путин – все еще очень популярный в России – подвергается растущей критике. В то же время есть внешняя перспектива, что Китай переведет свое мощное экономическое влияние в Центральной Азии в более широкое стратегическое присутствие в регионе.⁴⁴

42 *Op. cit.* Saferworld.

43 Лэнг Дж, Попеску Н (2015), «Центральная Азия: взгляд из России», EUISS, январь, Issue Alert.

44 Бобо Ло (2015), «Границы нового и старого: политика России в Центральной Азии», *Russie.Nei. Viisions* (82) январь.

3.2 Экономический контекст

Для того, чтобы оценить роль России в Центральной Азии – как в плане того, как она рассматривается, так и в плане ее целей – нужно начинать с экономики. Кратко говоря, российская экономика переживает критические времена, и это состояние может легко ухудшиться. Экономические проблемы происходят из совокупности факторов, включая: накопившиеся проблемы из-за отсутствия структурных реформ; влияние резкого падения цен на нефть; и воздействие западных санкций. Проблемы настолько глубоки, что это наводит на мысль, что ситуация себя еще не исчерпала.

В 2014 г. российский рубль обесценился более чем на 45 процентов по сравнению с долларом США и другими ведущими валютами⁴⁵. Отток капитала из России достиг рекордного уровня в 2014 г., когда чистый отток составил 151.5 миллиард долларов США. Согласно данным Центрального банка в Москве больше денег покинуло Россию в последнем квартале 2014 г., чем за весь 2013 г., по мере того, как падение рубля затянуло Россию в самый плохой экономический кризис с 1990-х гг.⁴⁶ Это частично отражает хаос, посеянный в российской экономике падающими ценами на нефть и западными санкциями.

Как один из крупнейших производителей нефти с плохо диверсифицированной экономикой, Россия особо уязвима в отношении резких падений цен на нефть. Упав до отметки ниже 50 долларов США за баррель в марте 2015 г., фактическая цена на нефть представляет половину суммы, заложенной в российский бюджет на 2015 г. Санкции, наложенные западными странами в результате российских действий на Украине в 2014 г., только усугубили экономические проблемы; хотя они и не являются главной причиной спада в российской экономике, который уходит корнями в более широкие факторы, упомянутые выше. Вкупе с общим давлением в качестве и причины, и следствия, инфляция в России сохранялась на отметке приблизительно 17 процентов.

Приблизительные данные по оттоку капитала из России на 2014 г. были почти в три раза выше, чем 61 миллиард долларов США, которые Россия потеряла в 2013 г., и эти цифры также превосходят предыдущий рекорд, установленный во время глобального кризиса 2008 г. Россия, как сообщается, использовала более одной пятой резерва Центрального банка в 2014 г., пытаясь укрепить рубль на международных рынках, много используя свой валютный резерв.⁴⁷ Центральный банк также шесть раз повышал процентную ставку в 2014 г., пытаясь остановить или хотя бы замедлить падение рубля. В 2015 г. рейтинговые агентства Fitch, Standard & Poor's, и Moody's понизили российский рейтинг до уровня выше мусорного статуса, что вероятно сократит иностранные инвестиции еще больше.⁴⁸

Вместе эти факторы имеют заметное влияние на прогнозы российского экономического роста. В середине января 2015 г., Всемирный банк ухудшил прогноз по российской экономике – эксперты ожидали падения ВВП на 2.9 процента в 2015 г. (предварительно предсказав в декабре 2014 г., что он сократится лишь на 0.7 процента).⁴⁹ 19 января 2015 г., Европейский Банк Реконструкции и Развития (ЕБРР) предсказал, что ВВП России снизится на 4.8 процента в 2015 г., что было резким пересмотром предыдущего прогноза в 0.2 процента, который ЕБРР сделал в сентябре 2014 г. На самом деле, ВВП России,

45 *The Moscow Times* (2014), 13 декабря.

46 *The Times* (2015), 19 января.

47 *Bloomberg* (2014), 16 декабря. Валютные резервы Центрального банка включают резервы по поддержке рубля и иностранную валюту для двух суверенных фондов благосостояния (Резервный фонд и Национальный фонд благосостояния). Резервы в первой категории, которые до кризиса составляли 510 миллиардов долларов США, как считается, упали до отметки ниже 400 миллиардов долларов США к декабрю 2014 г. (впервые резервы упали ниже этой отметки с августа 2009 г.). Российское правительство не тратило много их суверенного фонда благосостояния в 2014 г., но это изменилось в 2015 г., и дефицит будет частично покрыт за счет выборки из резервного фонда, в котором на конец 2014 г. было 88 миллиардов долларов США. Автор выражает благодарность Алексу Найс за комментарии по этому разделу доклада.

48 *Reuters* (2015), 29 января; и *The Guardian* (2015), 21 февраля.

49 *Financial Times* (2015), 20 января.

по подсчетам, сократился на 4 процента в первом квартале 2015 г., в результате падения цен на нефть, экономических и финансовых санкций, несовершенной политики и бегства капитала.

3.3 Экономическое воздействие на Центральную Азию

Что же означает этот меняющийся экономический контекст для отношений между Россией и государствами Центральной Азии? Хотя никто не застрахован от этих последствий, резкое падению рубля в 2014 г. и начале 2015 г. по-разному ударило по разным государствам Центральной Азии. Эти страны можно поделить на экспортеров углеводородов (Казахстан, Туркменистан и Узбекистан) и импортеров нефти и газа (Кыргызстан и Таджикистан). Очевидно, что экспортерам нефти, как Казахстан – несмотря на средний доход и статус развивающегося рынка – также приходится поглощать недавнее резкое падение цен на нефть, что замедлило его собственные прогнозы роста.

Две самые бедные страны региона, Кыргызстан и Таджикистан уже находятся в тяжелом финансовом положении.⁵⁰ ВВП Таджикистана на душу населения меньше чем одна десятая от ВВП на душу населения Казахстана; Таджикистан – самая бедная из всех бывших советских республик, и ее и так слабая экономика была еще больше подорвана плохим финансовым управлением. Поскольку Кыргызстан и Таджикистан зависят от России, как крупного источника инвестиций и денежных переводов, воздействие российского экономического спада ударило по этим двум странам особенно сильно. Российский спад чувствуется по сокращению объема переводов, посылаемых домой рабочими мигрантами. Таджикистан находится в тройке мировых лидеров по зависимости от переводов трудовых мигрантов, что составляет около 50 процентов ВВП страны; в Кыргызстане эта цифра составляет 30 процентов от ВВП. Последствия от девальвации рубля очевидны: теперь за рубли дают меньше долларов, которые посылают домой.

В дополнение к этому сокращение возможностей неофициальной работы для трудовых мигрантов в России имеет место из-за ухудшения экономического климата, а также из-за усиления политики по сокращению миграции из Центральной Азии, что означает, что многие трудовые мигранты не уехали или не поедут в Россию в 2015 г., а вместо этого пополнят многочисленную армию безработных у себя дома.⁵¹ Новое социально-экономическое давление, происходящее от большого количества незанятых молодых (в основном) мужчин может привести к серьезным последствиям для стабильности в Кыргызстане, Таджикистане и Узбекистане.

Ослабление российского рубля также оказывает давление на местные валюты по всему региону, способствуя инфляции. Таджикистан и Кыргызстан опять пострадали особо, и рубль толкнул вниз местные валюты, иногда в двузначном порядке. Центральные банки в Кыргызстане и Таджикистане использовали ограниченные резервы для смягчения падения своих валют. Однако местные валюты следовали за рублем вниз, и важнейшие импортируемые продукты подорожали, что еще раз сильно напомнило о зависимости от России. Как следствие этих различных давлений, цены на продовольствие в Бишкеке, например, увеличились на 20–25 процентов за прошлый год.⁵²

Возможным исключением из этих тенденций и влияния в Центральной Азии является Туркменистан, частично защищенный от превратностей рынка из-за продаж своей главной статьи экспорта – природного газа – в Китай по

50 www.crisisgroup.org/en/regions/asia/central-asia/2015-central-asia-decay-and-decline.aspx

51 www.eurasianet.org/node/71471

52 www.eurasianet.org/node/70546, октябрь 2014 г.

фиксированной цене. Однако простые граждане Туркменистана никакой пользы от этого не получили, так как существует знакомый разрыв между богатой элитой и подавляющим большинством бедного населения, и этот разрыв остается по-прежнему огромным.

Даже в относительно сильном и независимом Казахстане последствия российского экономического спада были ощутимы, и местная валюта, тенге, обесценилась почти на 20 процентов в феврале 2014 г. Однако более сильная девальвация рубля делает казахстанские товары менее доступными для российских граждан, что сокращает объем продаж и рост производства.⁵³

В общем, экономический спад в России потенциально имеет долгосрочные последствия для уверенности инвесторов в Центральной Азии – хотя эта тенденция может с меньшей вероятностью повлиять на подход Китая к региону. Прогнозы роста ВВП заметно упали по всей Центральной Азии, хотя не до уровня финансового кризиса 2008–9 гг. Однако в этом случае украинский фактор и то, как будут разворачиваться события в 2015 г. может сильно повлиять на регион, особенно если ситуация на Украине будет ухудшаться.

Ясно, что экономическая ситуация в России по-разному негативно затронула, в большей или меньшей степени, все государства Центральной Азии. Она также оказала важное не прямое влияние на подход России к Центральной Азии. Когда в российской экономике наблюдается стагнация, то режим ограничен в выборе средств и должен искать неэкономические пути поддержания своей легитимности и народной поддержки внутри страны. Демонстрируя, что Россия по-прежнему остается сильным игроком в регионе Центральной Азии и приводит новые страны в российскую «сферу особых интересов» дает режиму альтернативный способ заручиться поддержкой и легитимностью, несмотря на его экономические проблемы.

3.4 Евразийский Экономический Союз

Ключевой механизм, используемый Россией для демонстрации своего продолжающегося влияния по соседству, включая в Центральной Азии – это знаковый проект, Евразийский Экономический Союз (ЕАЭС), который также называют Евразийским Союзом.⁵⁴ Согласно некоторым заявлениям, 2014 год был годом трансформаций для Евразийской интеграции и ЕАЭС. И хотя это ожидалось, исходя из трехстороннего Таможенного Союза, сначала введенного в России, Казахстане и Беларуси в 2010 г., политический и экономический союз, который представляет ЕАЭС, может иметь значительные последствия для отношений вблизи России и для региональной динамики. То, что начиналось как относительно простой таможенный союз в начале 2014 г., преобразовалось в значительное экономическое пространство, включающее Россию, Казахстан, Беларусь, Армению – и с мая 2015 г. Кыргызстан (соглашение о принятии Кыргызстана в ЕАЭС было подписано в декабре 2014 г.). Россия, со своей

53 *Radio Free Europe/Radio Liberty* (2014), «Денежные проблемы: слабый российский рубль тащит вниз соседей», 12 декабря.

54 Для пояснения терминологии, «Евразийский Союз» относится к нескольким образованиям. В нем выделяется Таможенный Союз, с инициативой которого выступили в 2006 г., и который заработал в 2010 г., куда входят Россия, Казахстан и Беларусь, и который преобразовался в 2013 г. в Общее Экономическое Пространство трех стран. Термин зачастую используется для ссылки на Евразийскую экономическую комиссию (ранее Комиссию таможенного союза) которая является исполнительным органом Таможенного союза. Это также указывает на Евразийский экономический союз, новую организацию с 1 января 2015 г. В основе лежит договор о Евразийском экономическом союзе, подписанный в Астане в мае 2014 г. Проект частично рассматривается как попытка запустить еще одну инициативу, Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС) которое по большей части провалилось после основания в 2000 г. ЕврАзЭС – Россия Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан и Беларусь, рассматриваемое как предшественник Таможенного Союза и единого Экономического пространства в Евразии – официально распущенное в годовщину своего 14-летия в октябре 2014 г. Различные элементы и аффилированные структуры ЕврАзЭС, как Межпарламентская ассамблея также перестали существовать. Большинство существующих структур и элементов влились в Евразийский экономический союз. Например, Суд ЕврАзЭС будет составлять львиную долю Суда Евразийского экономического союза, находящегося в Минске. Его наследие – «гора бумаг» в виде соглашений – включает подписание свыше 215 многосторонних соглашений и договоров о сотрудничестве и в ряде сфер экономики и развития, затрагивающих пять ключевых членов.

стороны объявила о предоставлении ЕАЭС до 1.2 миллиарда долларов США на протяжении следующих двух лет: фонд в 500 миллионов долларов США, кредит в 500 миллионов долларов США и дополнительные 200 миллионов долларов США для содействия ускорению интеграции государств Центральной Азии в Союз.

Смотря под другим уклоном, расширение ЕАЭС в Центральной Азии возможно произошло за счет внутренних трений, которые закрались в отношения между Россией и двумя другими ключевыми членами, Беларусью и Казахстаном. Напряжение в отношениях между Москвой и Минском налицо уже некоторое время.⁵⁵ В это время президент Казахстана Нурсултан Назарбаев, один из ключевых союзников Путина в регионе, попытался развести некоторые политические положения Евразийского экономического союза до того, как дать согласие на договор (подписанный лидерами России, Казахстана и Беларуси в мае 2014 г.). Это исходило частично из одного из результатов Таможенного Союза, а именно наводнения казахстанского рынка российскими товарами, что сделало конкуренцию для казахстанского производителя еще более трудной.

ЕАЭС также означает, что Казахстан более подвержен ассоциативному влиянию санкций, наложенных на Россию Евросоюзом, и Астана критиковала решение Москвы наложить ответные санкции на западные товары. Хотя экспорт казахстанского продовольствия в Россию увеличился и заместил некоторые поставки продовольствия из Евросоюза, чьи страны подпали под ответные санкции, санкции также привели к наносящим ущерб отсрочкам в отношении казахстанских нефтяных проектов. С трениями в закулисье, есть сообщения о взаимных запретах импорта в марте 2015 г., когда Астана, как сообщается, запретила к продаже российское мясо, сыр и молочные продукты, объясняя это нарушениями санитарных норм, что вызвало критику в СМИ в Москве.⁵⁶

В других местах Центральной Азии энтузиазм в отношении ЕАЭС также затихает. Обеспокоенность и нервозность относительно целей и намерений России в отношении ЕАЭС также должны рассматриваться в контексте российских действий на Украине. Президент Назарбаев предупредил во время телеинтервью в августе 2014 г., что «если правила, которые были ранее установлены в договоре, не выполняются, Казахстан имеет полное право прекратить свое членство в ЕАЭС. Астана никогда не будет в составе организаций, которые представляет собой угрозу независимости Казахстана».⁵⁷ Эти откровенные комментарии, что Казахстан сохраняет за собой право покинуть ЕАЭС, если правила не будут выполняться, могут рассматриваться как обеспокоенность Казахстана по поводу российских действий на Украине, особенно в свете сказанного Назарбаевым через день после того, как президент Путин сказал нечто вроде того, что Казахстан является «искусственно созданным государством», поддерживаемым президентом Назарбаевым.⁵⁸

Перед лицом этих вызовов основное внимание уделяется тому, сможет ли ЕАЭС стать чем-то большим, чем просто фасадом и даже выжить в долгосрочной перспективе.⁵⁹ И хотя Россия очень хотела подтвердить свою финансовую поддержку по расширению и консолидации Союза, остаются вопросы о том, какое воздействие экономическое давление в самой России и оказываемое на Россию окажет на ее приверженность проекту ЕАЭС.

55 *Forbes* (2015), «Беларусь – больше не надежный союзник Путина?», 24 января.

56 *Коммерсант* (2015), 13 апреля; *Moscow Times* (2015), 13 апреля.

57 Интервью ТВ каналу Хабар, 31 августа 2014 г.

58 См. ниже в разделе «Влияние событий на Украине», а также сноска 33.

59 Шенккан, Н (2014), *Foreign Affairs*, «Почему Евразийский союз может не пережить 2015 г – Евразийский разлад», 26 декабря, www.foreignaffairs.com/articles/armenia/2014-12-26/eurasian-disunion

3.5 Контекст безопасности

Основная обеспокоенность России в отношении соседей, включая Центральную Азию, сконцентрирована на четырех основных сферах: военная безопасность; консолидация режима; защита русского языка и этнических русских (возможно, используется как удобный предлог); и проект ЕАЭС. Россия остается самым важным актором в области безопасности в Центральной Азии. Имея значительные военные активы в регионе, Россия обладает способностью отреагировать на кризис, вместе со взятой на себя ответственностью управлять безопасностью. Это выходит из двусторонних отношений с центральноазиатскими государствами, а не осуществляется под эгидой региональных многосторонних соглашений, как ОДКБ или ШОС.

Таджикистан и Кыргызстан были и остаются основным центром внимания взаимодействия России в области безопасности в Центральной Азии. Москва взяла обязательство вложить свыше 1.5 миллиарда долларов США для усиления армий Кыргызстана и Таджикистана,⁶⁰ и приблизительно две трети от этой суммы будут направлены на армию Кыргызстана. В военной сфере двустороннее сотрудничество с Таджикистаном в области безопасности включает в себя размещение одного из самых многочисленных российских контингентов за рубежом – 201 мотострелковую дивизию. Приблизительно 7000 персонала развернуты на военной базе рядом с Душанбе, в трех полках. В октябре 2012 г. было заключено двустороннее соглашение между Душанбе и Москвой, согласно которому российские силы будут размещаться там на базе до 2042 г. на безвозмездной основе.

В Кыргызстане расширение российских военных объектов в Канте предусматривает, что эта договоренность продлится до 2032 г. Новое соглашение будет действовать с 2017 г. и обеспечит интегрированную военную базу России в Кыргызстане, совмещающая различные объекты в Канте и других местах страны.⁶¹ Россия списала Кыргызстану значительные долги, достигшие 489 миллионов долларов США, и поступила подобным образом в случае Таджикистана. Кыргызские долги были также конвертированы в долевое участие России в Дастане, единственном военно-промышленном предприятии Кыргызстана. Таким способом Россия использовала отмену долга и предоставление значительной помощи для обеспечения этих договоренностей в военной области и области безопасности.

В оборонной сфере российские власти добились успеха в сохранении или восстановлении ряда военных и исследовательских объектов советской эпохи в Казахстане, Кыргызстане и Таджикистане. Самые важные из них в постсоветском пространстве находятся в Казахстане, и они являются важным элементом российской системы обороны. С 1990-х гг. Астана предоставила Москве право использования нескольких полигонов в обмен на военное оборудование, техобслуживание и подготовку офицеров. Более того, Москва арендует у Астаны Байконур (оттуда запускается 70 процентов российских ракет), а также испытательные полигоны в районе Караганды, Джамбула, Актобе и Кызыл-Орды.⁶² В Туркменистане и Узбекистане у России нет никаких военных объектов.

Еще один аспект, связанный с этими двусторонними военными отношениями – это вопрос российских военных подразделений, комплектуемый иностранным персоналом. Значимо то, что согласно российскому президентскому декрету, подписанному президентом Путиным в январе 2015 г., иностранцы имеют право служить в российской армии. Еще предстоит увидеть, приведет ли это к росту количества новобранцев из Центральной Азии в российской армии.

⁶⁰ *Ibid.*

⁶¹ *Defence News* (2012), 20 September.

⁶² Ларуэль М (2009), «Россия в Центральной Азии: Старая история, новые проблемы», *EUCAM*, сентябрь.

В принципе новобранцы смогут служить как минимум пять лет без получения российского гражданства. Уже сейчас в составе российских сил служат приблизительно 300 иностранных солдат.⁶³

В сфере многосторонней безопасности, нежесткая организация и требования таких рамок как Содружество Независимых Государств (СНГ), ОДКБ и ШОС дают степень гибкости в договоренностях о безопасности, в которых некоторые члены могут выбирать более глубокую интеграцию, а другие могут не принимать участия в инициативах. Недостатком этого является то, что многие договоренности номинально принятые этими многосторонними структурами в конце концов не выполняются, либо из-за того, что члены не ратифицируют необходимое национальное законодательство для вступления этих договоренностей в силу, или же они не предоставляют достаточное финансирование для воплощения их в жизнь.

С российской точки зрения попытки создания более сильных региональных институтов в Центральной Азии имеют свои недостатки. И хотя такие попытки могут сделать эти институты более эффективными инструментами в руках Москвы, они также несут риск отчуждения других членов, которые обычно либо лишь на словах поддерживают заявленные обязательства, а затем не приводят их в исполнение; либо избегают их посредством выхода из этих институтов. Например, Узбекистан, который исторически не проявлял желания интегрироваться в какое-либо образование, куда входят Россия и Казахстан, приостановил свое членство в ОДКБ в июне 2012 г.

Еще один значимый аспект контекста в области безопасности – это исламский экстремизм, и его воспринимаемая угроза. Доклад Saferworld от 2013 г. *Роль и интересы России в Центральной Азии* выделил воздействие продолжающегося насилия и нестабильности на Ближнем Востоке. В этом отношении важно отметить растущее количество граждан из Центральной Азии, арестованных во второй половине 2014 г. и начале 2015 г. по подозрению в участии в боевых действиях в Сирии на стороне Исламского государства или групп, связанных с Аль Каидой. Считается, что за прошлые годы приблизительно 2000–4000 лиц из Центральной Азии уехали в Ирак и Сирию, а также в Афганистан, чтобы воевать на стороне Исламского государства или Талибан.⁶⁴

Согласно Замиру Кабулову, Специальному представителю президента Путина в Афганистане, небольшая группа боевиков Исламского государства готовила нападение на Центральную Азию и Россию с севера Афганистана, хотя ссылки на временные рамки не давались.⁶⁵ Заявления подобного рода, будь они из достоверных источников или непроверенные, усугубляют набор восприятий и даже чувство паранойи в некоторых кругах в регионе (см. анализ контекста выше). Риски исламского экстремизма бесспорно являются реальной проблемой, как для Москвы, так и для руководства государств Центральной Азии. Однако, как это упоминалось выше, возможно самая большая угроза лежит в действующей во всей Средней Азии политике неизбирательного подавления любой исламистской группы в регионе, продвигающей форму ислама, отличную от сдержанной версии, которую поддерживает государство. Риск заключается в том, что эта политика подавления со стороны правительств Центральной Азии может в средней и долгосрочной перспективе спровоцировать эскалацию исламистского экстремизма, которой стараются избежать власти в Центральной Азии и Москве.⁶⁶

63 См. Александр Голтс (2015), в bbc.co.uk, *World News*, «Россия набирает больше иностранцев в армию в пертурбации в военных силах», 5 января.

64 *Radio Free Europe/Radio Liberty* (2015), «Соблазн Исламского государства для центральноазиатов», 7 февраля.

65 Кабулов предупредил об угрозе ИГ во время интервью с Интерфаксом в конце 2014 г. (29 декабря).

66 www.crisisgroup.org/en/regions/asia/central-asia/B097-central-asia-islamists-in-prison.aspx

Смотря более широко, участие России в области безопасности в Центральной Азии жизненно важно для ее планов в регионе. С беспокойством по поводу угроз безопасности, исходящих из Афганистана, Россия всецело настроена на укрепление своего южного периметра и ОДКБ. Однако несмотря на то, что многосторонние договоренности, как ОДКБ, играют определенную роль в глазах Москвы, есть сильное ощущение, что именно двусторонние отношения по-прежнему доминируют и являются первостепенными в области безопасности. С особым упором на двусторонние связи с Кыргызстаном и Таджикистаном, рука об руку идут военное сотрудничество и экономическая поддержка/рычаги.

Тем не менее, у российского желания взаимодействовать есть пределы, и ее общая позиция в сфере безопасности в регионе представляет собой нечто вроде парадокса. Несмотря на то, что у страны есть и возможность, и взятое обязательство взаимодействовать, Россия продемонстрировала нежелание военного вмешательства в Кыргызстане и Таджикистане, и кажется, что она будет вмешиваться только если под угрозу поставлены российская территория или ключевые интересы России. Это было продемонстрировано в Кыргызстане во время и после погромов в Оше в 2010 г., когда Россия не отреагировала, поскольку не считала насилие прямой угрозой своим интересам.⁶⁷

3.6 Россия и региональные многосторонние механизмы

Как видно из вышесказанного, Москва пытается использовать многосторонние механизмы, такие как ЕАЭС и ОДКБ, практически и творчески, для содействия российским национальным интересам и их легитимизации. Некоторым образом эти многосторонние механизмы могут рассматриваться как выполняющие приблизительно те же роли, что и Варшавский договор и СЭВ (Совет Экономической Взаимопомощи) во времена холодной войны. С точки зрения России важно, что эти вновь созданные воплощения поддерживают ключевые стратегические цели постсоветской Евразии, где Москва доминирует.⁶⁸

Это вызвано российским отношением к ШОС, где доминирует Китай. Для России инклюзивный аспект ШОС – это аргумент против этой организации. Эта организация иногда рассматривается Россией как полезная, чтобы бросить вызов легитимности западных институтов и политики. Однако Россия не заинтересована в том, чтобы ШОС стала эффективным механизмом региональной интеграции, так как это будет интеграция, условия которой будут определяться другими, а именно Китаем. Влияние Китая, когда ШОС *фактически* находится под китайским руководством, не соответствует видению Евразии президента Путина. Поэтому Москва препятствовала попыткам Пекина установить свободную торговую зону ШОС⁶⁹ и создать Банк развития ШОС, из-за вероятности верховенства Китая в этих структурах. С точки зрения Москвы, любые попытки Пекина создать свободную торговую зону ШОС – будут попытками создать потенциального конкурента для Таможенного Союза или ЕАЭС – и угрозу национальным рынкам, учитывая более низкие цены китайских товаров.⁷⁰

67 Форум по политике Центральной Азии (2012 г.), «Будущее российского взаимодействия в Центральной Азии», Университет Джорджа Вашингтона, декабрь.

68 *Op cit* Bobo Lo.

69 Жао Н (2013), «Китайско-российские отношения в Центральной Азии», The Asan Forum, 22 ноября, www.theasanforum.org/china-russia-relations-in-central-asia/

70 *The Diplomat* (2015), 23 марта.

3.7 Влияние событий на Украине

На геополитическом уровне события на Украине в 2014 г. и в 2015 г. подняли важные вопросы о будущем российском подходе к Центральной Азии. Согласно некоторым региональным комментаторам, Центральная Азия рассматривается как «следующая площадка», на которой Кремль может попытаться использовать рычаги, частично через русскую диаспору, для оказания давления.⁷¹ Более того, с продвижением ЕАЭС Казахстан и другие страны Центральной Азии неизбежно станут центральными элементами возглавляемой Россией инициативы.

И хотя данный доклад не посвящен Украине, важно задуматься над последствиями украинских событий для роли и интересов России в других местах по соседству, включая Центральную Азию. 2014 год был назван «черным годом» для европейской и международной безопасности,⁷² и определенно этот год был моментом огромной стратегической значимости. Более того, то, что случилось – и происходит – на Украине кажется частью долгосрочной динамики, которая еще не развернулась до конца.

Действия России в основе конфликта на Украине были явным нарушением международного права.⁷³ Ссылаясь на проблемы, связанные с этим, министр иностранных дел Великобритании в речи 10 марта 2015 г. заявил, что «перед нами – российский лидер, который изо всех сил старается не вписаться в международную систему, основанную на правилах, которая хранит мир между странами, а наоборот, он хочет эту систему подорвать. Действия президента Путина (...) основательно подрывают безопасность суверенных государств» по соседству.⁷⁴ В этом свете недавние события на Украине могут продемонстрировать то, какая Россия обращена к своим соседям, а также более широкие последствия для международной безопасности. Самые близкие соседи России не упустили ничего из этого, особенно соседи в Центральной Азии.

Было бы ошибкой преувеличивать воздействие событий на Украине на центральноазиатский контекст – но, точно так же, их последствия нельзя недооценить. Основными факторами, влияющими на мир и стабильность в регионе, остаются внутренняя динамика внутри центральноазиатских государств и между ними, а также целый ряд внутренних конфликтов, преследующих их, как это описано выше. Однако нельзя отрицать новое беспокойство или уровень обеспокоенности, которые пробралась в представления о роли России и ее намерениях в регионе в целом. Сюда входит нервозность относительно российских намерений в целом; глубокая обеспокоенность по поводу экономических последствий кризиса, ударившего по российской экономике и его последствиях в целом; вопросы о том, что это означает для руководимых Россией проектов в регионе, как например ЕАЭС, а также совершенно конкретный вопрос о переводах трудовых мигрантов, работающих в России.

Возможно самое большое воздействие событий на Украине на восприятие России – как внутри Центральной Азии, так и за ее пределами – это то, что Россия стала восприниматься, как непредсказуемая. Президент Назарбаев, который традиционно является близким союзником Москвы и с которым президент Путин установил близкие рабочие отношения, даже не скрывал

71 Центр Вильсона, Институт Кеннана (2014), «Россия открывает ящик Пандоры», 8 июля.

72 Генеральный секретарь НАТО (Международные силы содействия безопасности) Йенс Штолтенберг, 30 января 2015 г., в своей речи по ежегодному докладу за 2014 г., в котором самыми сильными угрозами он назвал действия России на Украине и вооруженный экстремизм на Ближнем Востоке).

73 Эти нарушения – от положений невмешательства Устава ООН до Договора от 1997 г. о Дружбе, сотрудничестве и партнерстве между Россией и Украиной. Конкретно, в ходе аннексии Крыма 21 марта 2014 г., нарушения Россией норм международного права включают: положения о невмешательстве в Уставе ООН (мирное урегулирование споров, воздержание от угрозы применить силу против территориальной целостности любого государства); Хельсинский заключительный акт 1975 г. (и особо – принцип ненарушения границ; Парижская хартия 1990 г. (согласно которой границы стран не переписываются силой, и что все страны имеют равные права в области безопасности и равные права по выбору альянсов); Договор от 1997 г. о Дружбе, сотрудничестве и партнерстве между Россией и Украиной (требующий Россию соблюдать территориальную целостность Украины).

74 www.gov.uk/government/speeches/foreign-secretary-intelligence-and-security-speech, 10 марта 2015 г.

своего беспокойства по поводу шагов, предпринятых Россией в Крыму в начале 2014 г. В марте 2014 г., министерство иностранных дел Казахстана заявило, что оно глубоко озабочено текущей ситуацией на Украине. Это осторожное высказывание призывало все стороны отказаться от применения насилия и разрешить кризис посредством переговоров, «основанных на уважении фундаментальных принципов международного права». К этой завуалированной критике, казахстанское министерство иностранных дел добавило, что «дальнейшая эскалация напряжения может привести к непредсказуемым последствиям как на региональном, так и на глобальном уровне».⁷⁵

Напряженность в отношениях между Москвой и Астаной усугубилась еще больше, когда президент Путин 29 августа 2014 г. заметил в отношении Казахстана, что он является «искусственно созданным государством». Он сказал, что «у казахов государства не было никогда» раньше и – хотя он затем восхвалял президента Назарбаева, как «самого близкого союзника и партнера» России – он упомянул способность Назарбаева «создать ... и поддерживать» государства на территории, на которой государства не было никогда.⁷⁶ В лучшем случае эти ремарки, о которых сообщалось, были немудрыми, учитывая неудобные параллели и отзвуки Украины для Казахстана, где этническое русское население составляет приблизительно 23 процента граждан.

Ремарки президента Путина, кажется, определенно нанесли обиду в Казахстане,⁷⁷ и последующие попытки Москвы и Астаны сгладить ситуацию не оставили сомнений, что казахское руководство отнеслось к этому с неприязнью. Через день после комментария Путина, президент Назарбаев сделал вышеупомянутое заявление о том, что Астана сохраняет за собой право прекратить свое членство в ЕАЭС «если правила, которые были ранее установлены в договоре, не выполняются, (...) Астана никогда не будет в составе организаций, которые представляет собой угрозу независимости Казахстана».⁷⁸

Более широкое региональное беспокойство в связи с действиями России на Украине было также видно, когда на саммите ШОС в Душанбе в сентябре 2014 г., президенту Путину не удалось заручиться консенсусом в поддержку заявления по Украине.⁷⁹ И ранее, при голосовании в Генеральной Ассамблее ООН в марте 2014 г., которое осудило аннексию Крыма, было примечательно то, что Казахстан заметно воздержался, а не выступил в поддержку России.⁸⁰

Более широкий контекст произошедшего на Украине явно поднимает неудобные вопросы в других местах по соседству с Россией. Конкретно, являются ли действия России в Крыму и на востоке Украины линией, удерживающей внимание только на этом направлении; или же они являются предвестником неопределенного периода, нарушающего покой вокруг всех границ России? Более того, с этим частично связано следующее – в чем перспективы и последствия для Таможенного Союза и ЕАЭС, который официально вступил в силу 1 января 2015 г.?

При всем сказанном, следует повторить ранее озвученное предупреждение: а именно, не следует преувеличивать воздействие событий на Украине в

75 mfa.kz (2014), 3 марта; также узбекский МИД опубликовал подобное заявление на своем вебсайте через день 4 марта, отмечая, что события на Украине создают «реальную угрозу суверенитету и территориальной целостности (что) не может не вызвать глубокую обеспокоенность в Узбекистане», (mfa.uz, 4 марта 2014 г.).

76 *Tengri News* (2014), 'Президент РФ Владимир Путин о Казахстане и его будущем, 30 августа, http://en.tengrinews.kz/politics_sub/President-Vladimir-Putin-of-Russia-on-Kazakhstan-and-its-future-255793/

77 Одна из параллелей – это то, что 23.7 процента населения Казахстана – это русские по сравнению с 17 процентами на Украине. Приблизительно 40 процентов населения Казахстана говорят по-русски.

78 Интервью президента Назарбаева телеканалу «Хабар», переданное 31 августа 2014 г. Помощник президента сказал, что интервью было записано 24 августа, якобы «до» высказываний президента Путина 29 августа о том, что Казахстан является «искусственно созданным государством».

79 Eurasianet.org (2014), «Путину не удалось заручиться консенсусом по Украине на саммите ШОС», 14 сентября.

80 *New York Times* (2014), 27 марта.

центральноазиатском регионе. Основное – это то, что внутренняя и другая динамика в Центральной Азии (см. след. раздел) продолжат быть главными факторами в формировании событий в регионе – которые будут варьироваться согласно относительной силе, слабости и другим переменным внутри этих государств и между ними – а также различные приоритеты Москвы в отношении них. Более того, в основе всего этого лежит факт, что политические лидеры и элиты в Центральной Азии имеют богатый опыт «геополитического балансирования» и вероятно, что они таковыми и останутся.

3.8 Отношения между Россией и государствами Центральной Азии

Недавний доклад Российского Совета по Международным Делах отметил, что политика Москвы в отношении Центральной Азии, учитывая отсутствие сплочения в регионе, должна быть по большей части основана на разработке российских стратегий по каждой отдельной стране.⁸¹ Самыми важными, хоть и не простыми для Москвы являются отношения с Казахстаном, учитывая ключевую роль и важность этой страны в регионе – и особенно, сильные личные взаимоотношения между президентами Путиным и Назарбаевым. Это не только критически важные двусторонние отношения, но и краеугольный камень в большом видении Путина в отношении Центральной Азии и более широкого Евразийского континента. Казахстан – это ключевое государство в любом интеграционном проекте в регионе. Говоря по-другому, то, как Казахстан ведет отношения с Россией следующие пять – десять лет, будет одним из определяющих вопросов в регионе.⁸²

Локомотивом российской политики в Казахстане выступают четыре крупные российские энергетические компании: Лукойл, Газпром, Роснефть и Транснефть. Эти компании позволяют Москве держать Астану в российской сфере интересов и помогают не дать Пекину доминировать в экономике Казахстана. Ведущим российским инвестором в Казахстане является Лукойл, который оперирует семью проектами и имеет долю в КПК – Каспийском трубопроводном консорциуме.⁸³

Со своей стороны Казахстан стремится осторожно лавировать между Москвой и Пекином. Тем не менее, как это четко указано в Концепции внешней политики Республики Казахстан на 2014–20 гг., согласно Договору о добрососедстве и союзничестве в 21м веке, Россия останется первостепенным партнером Казахстана.⁸⁴

Как отмечалось ранее, и несмотря на оптимистичные названия официальных документов, в отношении между Россией и Казахстаном вкрадывается все больше недовольных тонов в результате непродуманных публичных заявлений в 2014 г. На политическом уровне в Астане почувствовали недоумение и даже злость в связи с резонансом ряда смелых выступлений президента Путина в 2014 г. Одним из примеров является сказанное российским послом и официальным лицам правительства 1 июля 2014 г. на встрече в Кремле: «Я хотел бы донести до каждого: наша страна будет активно отстаивать права русских, наших соотечественников за границей, применяя при этом весь набор доступных нам средств – от политических и экономических, до операций

81 Российский Совет по Международным Делах (РСМД) (2013), «Интересы России в Центральной Азии», (10).

82 Министр иностранных дел Казахстана Ерлан Идрисов в начале марта 2015 г. заявил, что Астана готовит двусторонний российско-казахстанский документ по делимитации границ для подачи в ООН. Он сказал, что этот шаг предпринимается из-за ситуации на Украине: «Один из самых болезненных моментов украинского кризиса – это факт, что между Россией и Украиной не было соглашения по делимитации границ. Поэтому мы думаем, что предпринимая очень важный шаг в обеспечении завершения этого процесса с Россией и затем подадим этот документ в ООН, чтобы в любой ситуации можно было бы обратиться в ООН». (Источник, Silk Road Reporters, 7 марта 2015 г.).

83 *Op cit The Diplomat* (2015), март.

84 www.kazembassy.org.uk/index.php/en/?option=com_content&view=article&id=1248&Itemid=1187&lang=en

согласно международному гуманитарному праву и права [соотечественников за рубежом] на самозащиту».⁸⁵ Учитывая значительное количество этнических русских в Казахстане, президент Назарбаев решителен в устранении любых взглядов, что этнические русские нежеланны в его стране, особенно для того, чтобы упредить любой намек на повторение «украинского сценария» у себя в стране.

Что касается вопроса диаспоры, противовесом здесь, как считают некоторые, является то, что количество русских в государствах Центральной Азии падает, и что меняется культурный контекст.⁸⁶ Однако в более широком смысле наследие Советского Союза остается сильным и в плане привязанностей, которые люди сформировали по отношению к советской культуре, и в плане продолжающейся социализации центральноазиатов в постсоветской российской культурной сфере.⁸⁷ В качестве примера можно привести российские телевизионные станции, которые повсеместно смотрят во всем регионе, и это неизбежно влияет на отношения и восприятия в Центральной Азии. Как ответил один из собеседников в Центральной Азии, «Я думаю [Россия и Центральная Азия] не смогут убежать друг от друга: мы здесь, Россия – по соседству, мы по-прежнему свободно говорим по-русски, все смотрят Первый канал, потому что у нас телевидение очень плохое ... И что самое интересное – все слушают новогоднее поздравление Путина, а не Атамбаева».⁸⁸

И хотя культурное измерение является важным в плане местных восприятий, именно измерение безопасности и его взаимодействие с коммерческими возможностями остается главной озабоченностью и предметом внимания Москвы в Центральной Азии. Поэтому неудивительно, что Москва удваивает свои усилия, через продажу оружия, чтобы подчеркнуть свою важность и значимость для государств в регионе.

В традиционном наборе двусторонних и многосторонних отношений Москва продолжает приоритизировать дифференцированные двусторонние подходы. Отношения между Россией и Узбекистаном были неоднозначными и даже временами напряженными с момента распада СССР. Режим президента Узбекистана Каримова всегда был трудным партнером для России, однако с недавнего времени Кремль пытается установить более тесные связи с Узбекистаном. Это продемонстрировал однодневный визит президента Путина в Узбекистан в 10 декабря 2014 г. Визит был частично демонстрацией поддержки Каримова перед парламентскими и президентскими выборами в Узбекистане, запланированными на конец декабря 2014 г. и март 2015 г. соответственно. Президент Каримов, которому исполнилось 77 лет в январе 2015 г., как и ожидалось, выиграл президентские выборы 29 марта 2015 г. с 90 процентами голосов, с заявленной явкой в 91,08 процента, и стал президентом в четвертый раз подряд.⁸⁹

Во время визита в Ташкент в декабре 2014 г. российская сторона согласилась списать Узбекистану 865 миллионов долларов США долга из общей суммы в 890 миллионов долларов США. Это, как заявляет, открывает дверь для расширения продажи Россией оружия и военного оборудования в Узбекистан.⁹⁰ Президент Каримов выступил с соответствующими оптимистичными высказываниями в его оценке роли России в регионе: «Россия всегда имела интересы в Центральной Азии, и ее присутствие всегда оказывало стабилизирующее

85 Вэбсайт российского МИДа, речь президента Путина перед послами РФ, 1 июля 2014 г.: www.mid.ru/bdomp/brp_4.nsf/e78a48070f128a7b43256999005bcb3/6328ab19489b523b44257d09001c3de6!OpenDocument

86 *Radio Free Europe/Radio Liberty* (2011), 28 сентября; и *op cit The Diplomat* (2015), январь.

87 Хезершоу, Дж., Оуэн К., «Миф о восходящих державах» и перспективы для постзападных международных отношений: Россия в Центральной Азии», Университет Экзетера; Всемирной конвенции Ассоциации по изучению государств, Колумбийский университет, Нью-Йорк, 23–25 апреля 2015 г.

88 Интервью, проведенные Saferworld в Кыргызстане и Таджикистане, ноябрь 2013 г.

89 EurasiaNet.org (2015), 29 марта.

90 *Deutsche Welle Russian Service* (2014), 11 декабря; EurasiaNet.org (2014), 12 декабря.

воздействие».⁹¹ Каримов предложил, чтобы Ташкент и Москва обсудили «обеспечение мира и стабильности в регионе Центральной Азии» после вывода Международных сил содействия безопасности из Афганистана, отмечая, что «афганская проблема (остается) далекой от окончательного урегулирования». В свою очередь президент Путин сказал, что «Россия уверенно занимает лидирующую позицию среди торговых и экономических партнеров Узбекистана и стремится сохранить эту позицию». Он добавил, что Узбекистан является «одним из приоритетных партнеров России в регионе», что Россия рассматривала «как должное, так как Узбекистан является самой населенной страной в Центральной Азии».

Размышляя об этом событии, московский аналитик Аркадий Дубнов отметил, что попытка Москвы укрепить свое влияние в Узбекистане имеет свою логику, не связанную с воспринимаемым «уклоном Кремля на Восток».⁹² Его мнение, разделяемое и другими, это то, что, США вероятно потеряют интерес к Центральной Азии в результате вывода американских войск из Афганистана. Более того, Вашингтон не выбрал Ташкент в качестве одного из основных получателей американской военной помощи. Таким образом, Узбекистан был вынужден возобновить военно-техническое сотрудничество с Россией и просить поддержки в проработке потенциальных угроз со стороны исламских радикалов – эти угрозы узбекское руководство преувеличивало в своих политических целях. В то же самое время Ташкент заинтересован избежать затягивания в сферу геополитических амбиций Кремля, несмотря на растущее давление вступить в Таможенный Союз.⁹³

Кыргызстан, в период после избрания президента Атамбаева в 2011 г., разработал все более тесные отношения с Россией в сфере политики, безопасности и экономики. Как отмечалось выше, Россия значительно улучшила свои военные связи и связи в области безопасности посредством нового базового соглашения и увеличила финансирование, поставки оборудования и подготовку кыргызского военного персонала и персонала в области безопасности. Россия также увеличила свое влияние посредством инвестиций в стратегические секторы экономики Кыргызстана. В апреле 2014 г. Газпром принял на себя угасающую сеть распределения газа Кыргызстана и взял обязательство по инвестициям в размере около 500 миллионов долларов США в энергетическую инфраструктуру в 2015–17 гг. Российские государственные компании также обещали крупные инвестиции в проекты в области гидроэнергетики с потенциальным экспортом энергии в будущем. И хотя Китай остается ключевым торговым партнером Кыргызстана, эти стратегические инвестиции закладывают основу для долгосрочных институционализированных экономических связей с Россией.

Экономические связи укрепились еще больше с недавним вхождением Кыргызстана в ЕАЭС в качестве члена, с поддержкой в 1 миллиард долларов США от России, чтобы Кыргызстан смог выполнить требования по вступлению и реструктурировать свою экономику.⁹⁴ Против членства в ЕАЭС выступили на местном уровне, особенно кыргызские бизнесмены, обеспокоенные воздействием ЕАЭС на торговлю с Китаем; однако местные опросы мнений говорят о том, что в народе очень большой поддержкой пользуются более тесные связи с Россией. Согласно опросу 2014 г., 71 процент кыргызов поддерживали вступление в ЕАЭС и 87 процентов поддерживали сохранение российской военной базы в стране.⁹⁵

91 TASS (2014), 10 декабря.

92 Взгляд на Евразию – Обсуждение в группе в Центре Карнеги, опубликовано 16 декабря 2014 г.

93 *Ibid.*

94 Льюис Д., «Восстановление гегемонии в Центральной Азии: политика России после событий в Кыргызстане в 2010 г.», доклад на Всемирной конвенции Ассоциации по изучению государств, Колумбийский университет, Нью-Йорк, 23–25 апреля 2015 г.

95 Триллин, Д (2014), «Кыргызстан, Таджикистан полны поклонников Путина, согласно новому опросу», 11 августа, www.eurasianet.org/node/69471

В это время в Туркменистане, согласно сообщениям, руководство в Ашхабаде особо встревожено ухудшающейся обстановкой в сфере безопасности по другую сторону 744-километровой границы страны с Афганистаном⁹⁶. И демонстрируя степень обеспокоенности Ашхабада о возможном вторжении радикальных афганских сил на свою территорию, Туркменистан, как сообщается, разрешил военным России и Узбекистана предоставить помощь по укреплению туркменской границы.⁹⁷ Те же самые сообщения указывают на то, что Ашхабад запросил военную помощь у США. Если это так, то это будет означать значительный отход Туркменистана от закрепленного в конституции нейтралитета и практики «автономности» предыдущих двух десятилетий. Это также наводит на вопросы о будущих намерениях России в этом отношении.

3.9 Взаимодействие Россия – Китай

Развивающиеся отношения между Россией и Китаем очевидно являются критической динамикой в формировании будущего Центральной Азии. И хотя они являются традиционными конкурентами в регионе, Россия и Китай стремятся избегать наступать друг другу на пятки, и в общем пришли к определенному *modus vivendi* на сегодня.

Следующий раздел доклада описывает точки соприкосновения и расхождения между Китаем и Россией по региону. Основная роль Китая – в громадных экономических рычагах, которые тот сохраняет через инвестиционные проекты и торговлю во всех странах в регионе, и Пекин готов отдать пальму первенства России в вопросах безопасности. Этот аспект важно не выпускать из вида. У этих двух стран разные приоритеты и стратегии в Центральной Азии, и по мере того как роль и влияние Китая будут расширяться, под сомнение ставится вопрос о том, насколько устойчиво это теперешнее молчаливое признание сфер преобладания друг друга (России – в сфере безопасности и Китая – в экономической сфере).

В более общем плане, Москва в нерешительности относительно того, что по большей части представляет собой Китай – возможность или риск – или может быть, даже угрозу для России. В контексте Центральной Азии обе державы по сей день смогли достичь своих целей без жестких столкновений друг с другом. Однако Россия с трудом скрывает обеспокоенность экономическим подъемом Китая и его программой военной модернизации, что позволит Китаю разработать и проецировать новую военную мощь в приграничных районах, включая Центральную Азию. И будучи не в состоянии дать ответ на экономическую экспансию Пекина, Москва ставит цель восстановить свою роль в регионе посредством расширения ЕАЭС, что не стыкуется с планами Пекина по укреплению ШОС, и не предусматривает какого-либо значительного китайского присутствия в области безопасности.

Опять-таки, на сегодняшний день российско-китайское сотрудничество в Центральной Азии срабатывало частично потому, что Пекин, как кажется, рассматривал нахождение Центральной Азии под российским политическим зонтиком и зонтиком безопасности как соответствующее интересам Китая. Однако в долгосрочной перспективе Китай очень даже может представить собой проблему для традиционной роли России и ее видения будущего для Центральной Азии. Если китайское руководство расширило бы охват взаимодействия в Центральной Азии так, что взаимодействия в политических и военных сферах стало бы больше – а не ограничивалось бы лишь экономической сферой – тогда интересы Пекина очевидно вступили бы в конфликт с интересами Москвы.

⁹⁶ *Eurasia Daily Monitor* (2015) 12 (59), 31 марта.

⁹⁷ *Ibid.*

Что может подтолкнуть к такому изменению настоящей относительно гармоничной динамики между Россией и Китаем? Конкуренция между двумя державами за контроль над природными ресурсами Средней Азии вероятно будет усиливаться, и без искусного управления это может возыметь неблагоприятное воздействие на отношения, особенно если учесть риск, что центральноазиатские лидеры могут начать сталкивать лбами обе державы. Как указано выше в данном докладе, еще один вопрос, который может обнажить различия между двумя державами, это вопрос преемственности политики в регионе. Учитывая преклонный возраст и, как сообщается, плохое самочувствие некоторых из лидеров в регионе, президентская преемственность в Узбекистане и Казахстане являются потенциальными кризисными точками. Внезапная кончина любого из президентов может вызвать значительную нестабильность.⁹⁸ Это в свою очередь может вывести на передний план лежащее в основе соперничество между Россией и Китаем, поэтому политическая преемственность может иметь гораздо более далеко идущие последствия.

Также следует отметить различные стратегии России и Китая по отношению к их соседям, включая Центральную Азию. В поддержку китайского роста и модернизации, председатель КНР Си Цзиньпинь кажется стремится содействовать продвижению стабильного и богатого регионального окружения.⁹⁹ И хотя конкурирующие территориальные претензии в Южно-Китайском море вызвали напряженность, а отношения с Японией остаются напряженными, по большей части Китай пытается поддерживать соседние страны, исходя из того, что их экономический рост – в интересах Китая. В отличие от этого идея национальной безопасности президента Путина заключается в окружении России тем, что Карел де Гюхт, комиссар Евросоюза по торговле, описал как череду экономических «черных дыр» (как Украина и Беларусь) и «замороженных конфликтов» (включая Приднестровье, Абхазию и Южную Осетию).¹⁰⁰ Если стратегия Китая основана на необходимости стабильного соседства, то согласно этой точке зрения Путин старается создать послушное и зависимое окружение.

На этом фоне одним из ключевых моментов будущего является 30-летняя сделка по поставке газа, подписанная между Россией и Китаем 21 мая 2014 г., на сумму приблизительно в 400 миллиардов долларов США, вступающая в силу в 2018 г. – часть так называемого «Восточного вектора» России в торговле.¹⁰¹ Обе страны будут отвечать за создание новой инфраструктуры для обеспечения транспортировки природного газа: Россия потратит приблизительно 55 миллиардов долларов США на строительство трубопровода из Сибири («Сила Сибири»), а Китай потратит приблизительно 20 миллиардов долларов США на инфраструктуру в пределах своих границ.

Газовая сделка частично отражает намерение президента Путина показать США и Европе, что у России есть «другие варианты». В соглашении, подписанном между российским Газпромом и Китайской национальной нефтегазовой корпорацией после десяти лет переговоров, 38 миллиардов кубометров (млрд м³) российского газа будет ежегодно доставляться в Китай. Цена за газ, о которой договорился Пекин, не была разглашена, однако есть разговоры о том, что Китаю удалось договориться о благоприятной цене. Российские представители настаивают, что цена будет варьироваться согласно мировым ценам на нефть, что приблизит цену ближе к той, которую хотела Москва, а не к той, которую спрашивал Пекин, хотя эти заявления не были подтверждены.¹⁰² Однако, если это так, то большое снижение мировых цен на нефть будет, конечно же, не в пользу России.

98 www.bne.eu/content/story/great-succession-game

99 <http://edition.cnn.com/2014/04/12/opinion/ukraine-putin-niblett/>

100 *Ibid.*

101 *New York Times* (2014), «Китай и Россия договорились о 30-летней газовой сделке», 21 мая.

102 *Washington Post, AP* (2014), 21 мая.

Во всем этом стоит отметить, что Газпром объявил в начале 2015 г., что он сократит импорт газа из Туркменистана и Узбекистана на приблизительно 11 млрд мз. В результате этого меньше чем за десять лет Россия перешла с позиции буквального монополиста закупок газа из Центральной Азии (до сооружения трубопровода Центральная Азия – Китай), до позиции конкурента Туркменистана и Узбекистана за китайский рынок. Это многое говорит об относительной экономической и политической мощи России и Китая. Трубопровод Центральная Азия – Китай представляет собой демонстрацию финансовой и политической мощи Китая.¹⁰³

Ясно, что будущие отношения между Китаем и Россией в Центральной Азии будут подвергаться влиянию целого ряда факторов, включая глобальную геополитику, внутреннюю политику в государствах Центральной Азии, а также конкуренцию за энергоресурсы. Несмотря на прогресс в экономическом, дипломатическом и военном сотрудничестве между Москвой и Пекином, маловероятно, что существующий в настоящий момент *modus vivendi* в Центральной Азии сохранится в долгосрочной перспективе. Варианты представляются таковыми: либо между Россией и Китаем будет активное сотрудничество, либо регион превратится в площадку для растущей конкуренции и конфронтации.

3.10 Выводы

В данном разделе мы рассмотрим последствия эволюционирующей роли России в Центральной Азии, включая то, как это соотносится с динамикой конфликта и безопасности в регионе.

Меняющийся баланс сил

Исторически Россия была преобладающим игроком в политике Центральной Азии. Ее доступ к лидерам государств Центральной Азии не имеет равных. Однако в Центральной Азии зачастую недовольны тем, что Москва с ними обращается свысока, по сравнению с помпой и церемонностью, которыми их потчует Пекин. Россия не делает ставки на «мягкую силу» в Центральной Азии так, как она могла бы это сделать, полагаясь вместо этого на наследие советского прошлого.

Москва продолжает с вниманием следить за растущим присутствием Китая в Центральной Азии – как за возможностью и риском одновременно – и неясно, чего больше Россия видит в этом в настоящий момент. Однако стоит признать относительный успех российско-китайского взаимодействия по сей день. Присутствие председателя КНР Си Цзиньпина рядом с президентом Путиным на параде, посвященном 70-летию Дня Победы в Москве 9 мая 2015 г. – событие, на котором не присутствовали большинство западных лидеров из-за роли России в кризисе на Украине – указывает на нежелание нарушать покой. Это событие стало самой крупной демонстрацией российской военной мощи в постсоветский период, и впервые китайские войска маршировали по Красной площади.

Тем не менее, Москва внимательно следит за развитием событий в Экономическом поясе шелкового пути, которые укрепят роль Китая в регионе и будут угрожать большему влиянию, к которому Россия стремится посредством ЕАЭС. А пока Китай, кажется, рассматривает Центральную Азию как второстепенный приоритет своей внешней политики, и демонстрирует меньше заинтересованности, чем можно было ожидать, при извлечении выгоды из своей экономической мощи для усиления политических рычагов.

103 Нефть и газ Евразия (2015), 17 февраля.

Неоднозначная роль в области безопасности

Парадокс лежит в самой основе роли России в регионе. Безопасность – это главная призма, через которую Россия смотрит на Центральную Азию. Россия рассматривает этот регион как набор рисков, которые надо сдерживать, будь то риски из-за конфликтов по поводу использования воды, межэтническая напряженность или неразрешенные пограничные вопросы. Тем не менее, Россия, как кажется, не желает действовать, когда внутри или между центральноазиатскими государствами разгорается напряженность. Москва склонна заниматься собственными интересами в Центральной Азии, а не брать на себя риски, которые могут возникнуть, если она возьмет на себя роль регионального «полицейского».

Выраженное нежелание России активно вмешиваться, например под эгидой ОДКБ, во время или после событий в Оше в июне 2010 г., подчеркнуло точку зрения, что осторожность и собственная выгода являются кредо Москвы в Центральной Азии.¹⁰⁴ Даже при имевшемся желании вмешаться в Кыргызстане, оценка Москвы, кажется, указала на то, что это вмешательство совершенно определенно было бы не так трактовано; и вероятно, что согласно российским расчетам невмешательство не несло прямых политических затрат. Точно такая же тенденция прослеживалась в отношении Андижана, Узбекистан (2005 г.), Рашта, Таджикистан (2010 г.), Хорога, Таджикистан (2012 г.), и в отношении инцидентов на границе в Исфаре и вокруг нее, Таджикистан (2014 г.).¹⁰⁵

Многосторонние форматы и фасады

В некоторой степени Россия рассматривает Центральную Азию как коллективное образование с определенными общими чертами. Однако основное внимание российской дипломатии и взаимодействия в области безопасности уделено двусторонним отношениям, в которых отдельные двусторонние отношения имеют различную степень важности. Это формирует то, как Россия рассматривает и использует различные многосторонние механизмы в регионе.

Жизнеспособность ЕАЭС вызывает больше вопросов, чем дает ответов. Некоторые внутренние опасения уже видны среди государств, которые вступили в этот возглавляемый Россией проект. Учитывая весь диапазон экономических проблем, которые сейчас переживает Россия, пока не ясно, будет ли больше преимуществ или затрат от членства центральноазиатских государств в ЕАЭС. Другие давние многосторонние форматы, как ОДКБ, по-своему полезны с точки зрения Москвы. ОДКБ частично является механизмом для поддержания чувства политической важности России и ее доминантности в области безопасности в регионе. Однако преобладающее впечатление – это то, что организация страдает от отсутствия общего видения и по большей части является неэффективной. Коллективные силы оперативного реагирования ОДКБ, например, ни разу не развертывались для осуществления вмешательства.

Риски преемственности

Вероятно, что двусторонние отношения для России будут продолжать оставаться основными для взаимодействия и действий в регионе, и Казахстан здесь будет занимать первое место. Недавние президентские выборы в Узбекистане (март 2015 г.) и в Казахстане (апрель 2015 г.) привели к ожидаемым результатам – громким победам президентов Каримова и Назарбаева. Тем

¹⁰⁴ См. полное обсуждение этих вопросов, в Матвеева А., «Меняющаяся роль России в области безопасности в Центральной Азии», *European Security*, февраль 2013 г.

¹⁰⁵ Интервью Saferworld в Кыргызстане и Таджикистане, ноябрь 2013 г.

не менее, это также наталкивает на вопрос – а не последний ли это раз, когда два престарелых главы государства могут побороться за власть в Астане и Ташкенте соответственно, так как следующие выборы пройдут в 2019 г. или 2020 г. Вопрос преемственности в политике Узбекистана и Казахстана станет еще более насущным, и может обнажить соперничество, не только в этих странах, но и отраженное в ключевых различиях интересов между Москвой и Пекином.

«Непредсказуемый фактор» Украины

Последствия для Центральной Азии российских действий на Украине – там ситуация по-прежнему не разрешена – нельзя недооценить, или переоценить. Однако как это показывает напряженность в отношениях между Россией и Казахстаном, эти последствия могут подорвать сложившийся баланс сил в регионе. Явное предпочтение Россией геополитических целей дипломатическим отношениям и отношениям безопасности с государствами Центральной Азии указывает на то, что на эти отношения обращается меньше внимания. Определенно легче проследить ряд ситуативных действий и реакций, нежели четкую долгосрочную стратегию России в отношении Центральной Азии.¹⁰⁶

Непредсказуемое будущее

Определенно, что есть больше неопределенности. В дополнение к возрастающей роли Китая, целый ряд других переменных влияет на роль России в регионе, включая: будущее направление российской экономики и ее внутренней политики; результаты политической преемственности в Казахстане и Узбекистане; ситуация с безопасностью в Афганистане; «последствия ситуации на Украине» в более широком смысле; и отношения России с Западом, особенно с США. Все эти факторы совмещаются с чувством непредсказуемости Москвы, о которых говорилось выше, что делает трудным прогнозирование с какой-либо степенью уверенности объема и природы будущего взаимодействия России в Центральной Азии.

4

Роль Китая в Центральной Азии и его влияние на мир и стабильность в регионе

4.1 Справочная информация

ОБРАЗОВАНИЕ ПЯТИ НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В 1991 году коренным образом изменило геополитику региона. Новые границы, наложенные на лоскутное одеяло региональных, этнических и религиозных идентичностей, разделили общины, нарушили давние торговые связи и спровоцировали трения и конфликты, продолжающиеся по сей день.¹⁰⁷ Вовлеченность Китая в эту сложную ситуацию – через экономическую экспансию и растущее влияние – имеет ощутимые последствия для мира, безопасности и развития.

В постсоветскую эпоху отношения между Китаем и странами Центральной Азии изначально ограничивались сферой безопасности. Китай, Россия, Казахстан, Таджикистан и Кыргызстан начали переговоры о демаркации границ и разоружении еще в 1992 году. Китай играл ведущую роль в этой группе, чьей целью было создать институциональную платформу, на которой впоследствии, после создания «Шанхайской пятерки» в 1996 году, эти темы будут обсуждаться на постоянной основе. Эта группа была преобразована в 2001 году в ШОС. Помимо стран «Шанхайской пятерки», туда также вошел Узбекистан. Главная задача ШОС и ее предшественников – борьба с экстремизмом и «терроризмом», в чем они видят угрозу региональной стабильности и которые являются главным источником озабоченности как для лидеров центрально-азиатских государств, так и для руководства Китая. Десятилетия нестабильности в соседнем Афганистане усилили эти опасения.

В то время как 1996 год сыграл определяющую роль в сотрудничестве между Китаем и Центральной Азией в области безопасности, 2002 год, после объявления Китаем стратегии «выхода за рубеж»,¹⁰⁸ стал поворотным

¹⁰⁷ Хотя раньше эти государства являлись (квази-)автономными советскими социалистическими республиками, по сути они были частью единой системы, и поэтому закрепление границ после объявления независимости привело к ощутимому расколу.

¹⁰⁸ В своем докладе на 16-ом Национальном съезде партии в 2002 году Цзянь Цзэминь заявил о важности «выхода за рубеж» китайских компаний и о том, что они должны инвестировать за рубежом и увеличивать экспорт товаров и рабочей силы. Центральная Азия, наряду с Африкой, Ближним Востоком и Южной Америкой, уже была обозначена в качестве приоритетного региона. См.: Цзянь Цзэминь (2006 г.), *О социалистической рыночной экономике*, (Центральный литературный издательский дом, Пекин), стр. 385.

моментом для экономического сотрудничества. В период с 2002 по 2012 годы, общий объем двустороннего товарооборота между Китаем и Центральной Азией увеличился в среднем на 36,4 процента в год, что значительно выше, чем средний годовой прирост общего объема внешнеторгового оборота Китая.¹⁰⁹ Общий торговый оборот Китая с пятью государствами Центральной Азии вырос с \$2,39 млрд в 2000 году¹¹⁰ до \$50,28 млрд в 2013 году.¹¹¹ Таким образом, Китай стал главным торговым партнером региона, с большим отрывом обогнав Россию.¹¹²

На государственном уровне Китай осуществляет экономическое сотрудничество со странами Центральной Азии через целый ряд механизмов. Инвестирование китайскими государственно-частными банками¹¹³ в нефтяные и газовые трубопроводы, а также железные и автомобильные дороги в первую очередь нацелено на обеспечение доступа для Китая к огромным природным ресурсам региона и расширение его доступа к региональным и европейским рынкам. Кроме того, сотни китайских компаний уже работают в Центральной Азии, и китайские мелкие предприниматели также добились значительных успехов в неформальном секторе, где дешевые потребительские товары ввозятся коммерсантами и посредниками для продажи в регионе и за его пределами.¹¹⁴

Как следствие, Китай все более активно сотрудничает с Центральной Азией, и его присутствие в регионе растет. Китай теперь владеет в этом регионе значительными экономическими интересами, которые нужно защищать, и поэтому ему приходится принимать во внимание существующие там угрозы безопасности. В этом разделе доклада рассматриваются факторы, обуславливающие рост вовлеченности Китая в Центральной Азии; его влияние на экономику, политику и безопасность региона; и возможное влияние этого роста на будущие отношения между Китаем и странами Центральной Азии, а также Россией.

4.2 Политический контекст

Большое количество работ уже опубликовано на тему эволюции механизма принятия внешнеполитических решений в Китае со времен Мао Цзэдуна и Чжоу Эньлая, когда внешнее взаимодействие было ограничено и процессы принятия решений были централизованы. Несомненно, руководство Китая приобрело более технократический характер, и решения теперь принимаются более открыто, с учетом практического опыта и мнений растущего и все более компетентного бюрократического аппарата. Эти тенденции формируют более гибкую внешнюю политику, в которой, пожалуй, учитываются интересы конкретных сторон. Тем не менее, сохранился отчетливо китайский подход к международным отношениям, включая ключевые принципы уважения государственного суверенитета и «невмешательства» во внутренние дела других стран. В целом, соблюдение этих принципов означает, что отношения Китая с другими государствами как правило осуществляются в двустороннем контексте, между двумя правительствами на высшем уровне, а не в многостороннем контексте с более широким кругом участников.

¹⁰⁹ Ли Д (2014 г.), «Экономическое сотрудничество и торговля между Китаем и Центральной Азией: Статус-кво и вызовы», *Oil Observer*, 6 апреля, <http://oilobserver.com/case/article/555>

¹¹⁰ Китайская академия международной торговли и экономического сотрудничества (CAITEC) (2003 г.), Белая книга по внешней торговле и экономике за 2003 год, Citic, стр. 289.

¹¹¹ *Xinhuanet* (2014 г.), «Внешнеторговый оборот Китая в 2013 году впервые превысил 4 трлн долларов», 10 января http://news.xinhuanet.com/fortune/2014-01/10/c_118914142.htm

¹¹² ПРООН (2014 г.), Развитие торговли и человеческих ресурсов в Центральной Азии, апрель, стр. 17–18.

¹¹³ Термин «государственно-частный банк» относится к трем основным государственным банкам (Банк сельскохозяйственного развития Китая, Китайский банк развития и Экспортно-импортный банк Китая), которые финансируют по требованию правительства проекты по развитию экономики и торговли, а также правительственные капиталовложения.

¹¹⁴ Петерсен А. (2013 г.), «Как китайские коммерсанты преобразуют Центральную Азию», *The Atlantic*, 2 декабря, www.theatlantic.com/china/archive/2013/12/how-chinese-merchants-are-transforming-central-asia/281957/

Хотя официальная позиция Китая в отношении международных отношений остается неизменной, по мере того, как отношения Китая с другими странами становятся более сложными и многогранными, в применении этих принципов на практике допускается все больше компромиссов. Становится все труднее примирять глобальную экономическую экспансию Китая, которая влечет за собой необходимость защищать китайские интересы за рубежом, с принципом невмешательства во внутренние дела и проблемы безопасности других стран.¹¹⁵ Свидетельством смягчения внешнеполитических принципов Китая является, например, его позиция в Судане и Южном Судане, где Китай активно участвует в урегулировании конфликтов,¹¹⁶ а также в Юго-Восточной Азии, где он выступает в качестве посредника на переговорах между правительством Мьянмы и Организацией независимости Качина.¹¹⁷ Разрыв между внешнеполитической риторикой Китая и практикой отражает происходящие изменения в политике и необходимость осуществлять координацию между растущим числом заинтересованных сторон.¹¹⁸ Такой диссонанс между риторикой и практикой проявляется также в отношениях Китая со странами Центральной Азии.

4.3 Факторы вовлеченности

Стратегия Китая в отношении Центральной Азии обусловлена тремя факторами:

- **Соображения собственной безопасности:** целенаправленные усилия по предотвращению развития трансграничных ситуаций в Центральной Азии, которые могут способствовать росту сепаратистских движений, особенно среди уйгурского этноса в западной китайской провинции Синьцзян.
- **Экономическая экспансия:** необходимость поддержания национального экономического роста за счет развития производства, рынков и ресурсной базы, как внутри страны, так и за рубежом.
- **Геополитика:** а именно, предполагаемая необходимость противостоять другим крупным игрокам в регионе, в частности, России и США, или обеспечивать баланс сил с этими игроками.

Китай, несомненно, обеспокоен нестабильностью в провинции Синьцзян и в западных регионах страны в целом. С одной стороны, в Синьцзяне проживает значительное число уйгуров, но там также есть и большие общины казахов, кыргызов, таджиков и татар; с другой стороны, во всех странах Центральной Азии есть уйгурские общины: в основном в Казахстане, но также и в Кыргызстане, Таджикистане и Туркменистане. Поэтому в контексте обеспечения безопасности многие китайские аналитики рассматривают Синьцзян как часть Центральной Азии.¹¹⁹

Китай рассматривает этнически мотивированный сепаратизм в государствах Центральной Азии как угрозу, которая может легко перекинуться на Синьцзян. Поэтому реализация жестких мер безопасности, скоординированная политика

¹¹⁵ В Китае недавно был опубликован новый законопроект по борьбе с терроризмом. Хотя он и сосредоточен на внутренних вопросах, в нем также предусматривается механизм использования китайских сил безопасности за рубежом. См. Мартина М (2015 г.), «Китайский законопроект прокладывает путь для антитеррористических операций за рубежом», Reuters, 27 февраля, <http://in.reuters.com/article/2015/02/27/china-military-idINKBN0LV0QK20150227>

¹¹⁶ Тад Д (2014), «Южный Судан: Начало перемен для Китая в своей политике "не-вмешательства"», 11 ноября <http://taoduanfang.blog.caixin.com/archives/78781>; также см. Ванг У (2015), «Китай выступает медиатором конфликта в Южном Судане», в *Phoenix Weekly*, 27 февраля, www.ifengweekly.com/detil.php?id=1688

¹¹⁷ Сун И (2014 г.), «Китай, Соединенные Штаты и качинский конфликт», Стимсон-Центр, брифинг, выпуск № 2, январь.

¹¹⁸ Пантуччи Р (2015 г.), «Китайский подход к урегулированию вопросов безопасности и реакция в Центральной Азии», по заказу Saferworld, январь; Мариани Б (2013 г.), «Роль и интересы Китая в Центральной Азии», Saferworld, стр. 4–5.

¹¹⁹ Годехардт Н. (2014 г.), *Китайская конституция Центральной Азии: Регионы и переплетенные интересы в международных отношениях*, (Palgrave Macmillan, Лондон), стр. 173.

китайского правительства в течение последних нескольких лет, направленная на развитие этого экономически отсталого региона¹²⁰, а также переселение ханьских китайцев в Синьцзян, где ранее уйгуры и мусульмане составляли большинство¹²¹, – все эти меры в первую очередь продиктованы опасениями по поводу внутренней нестабильности. Предполагается, что экономическое развитие ослабит факторы радикализации и экстремизма в Синьцзяне.

Второй фактор привязывает китайскую стратегию в отношении Центральной Азии к более широкому императиву поддержания темпов экономического роста. Это принципиально важный фактор в сохранении нынешним руководством своей легитимности, и, следовательно, контроля в Китае.¹²² Это не означает, что сама по себе Центральная Азия играет здесь ключевую роль: объем торговли со странами Центральной Азии в 2013 году составил лишь 1,2 процента от общего объема внешнеторгового оборота Китая.¹²³ Тем не менее, диверсификация ресурсной базы и маршрутов на рынок является давним приоритетом. В Синьцзяне находятся крупные минеральные и углеводородные месторождения. Он также является географическим и культурным мостом к рынкам и ресурсам стран Центральной Азии.

В 1986 году, после 19-летнего перерыва, последовавшего за разрывом отношений между СССР и Китаем, правительство Китая разрешило Синьцзяну возобновить трансграничную торговлю, в основном с республиками Центральной Азии. Между тем, инвестиции в Синьцзяне ускорились после 1978 года, когда начались китайские реформы и была объявлена политика открытости, и особенно после 2000 года, когда была принята «Стратегия развития западных регионов». Это привело к двузначным темпам роста ВВП провинции в течение последних 37 лет. После принятия Китаем в конце 90-х и начале нулевых годов стратегии «выхода за рубеж», торговля со странами Центральной Азии и инвестиции в их экономику также значительно выросли. Так, объем торгового оборота с этими странами увеличился только за последние 20 лет в 100 раз.

Третий фактор связан с более широким контекстом отношений Китая со странами Центральной Азии, где главную роль играют соображения баланса сил в регионе. Здесь, конечно, нужно учитывать и многовековую историю «Большой игры» между государствами этого региона из-за его ключевого стратегического расположения и богатых ресурсов. На текущую динамику повлияли такие события последних лет, как распад Советского Союза и возрождение за последние 25 лет российского влияния в регионе; значительное военное присутствие США в Афганистане в период с 2001 по 2014 годы, включая военные базы в Киргизии и Узбекистане;¹²⁴ а также опасения Китая оказаться в окружении в связи со смещением акцента в политике США в сторону Азии и территориальными спорами в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях.

Все перечисленные здесь факторы – своеобразные линзы, через которые можно рассматривать прошлую и настоящую политику Китая по отношению к Центральной Азии. Нельзя выделять здесь какой-то один фактор в ущерб

120 С начала 1990х годов Китай создал специальные экономические зоны, сделал большие инвестиции в инфраструктуру и транспортное сообщение, и инициировал большие проекты, включая проект "Бассейна Тарим", нацеленный на развитие сельского хозяйства

121 Между 1949 и 2008 пропорция ханьских китайцев в Синьцзян выросла с 6.7 процентов (220,000) до 40 процентов (8,4 миллионов), что представляет собой самую значительное демографическое изменение, которое произошло в одном из больших регионов Китая с момента образования КНР. Подробнее в Хоуел А и Фан С (2011), "Миграция и Неравенство в Синьцзян: Опрос ханьских и уйгурских мигрантов в Урумчи", *Eurasian Geography and Economics* 52 (1), стр 119–139.

122 Митчелл Г (2014 г) «Китай в Центральной Азии: Начало конца для России?», Слово 26 (1), стр. 18-31, стр. 19.

123 Объем внешнеторгового оборота Китая достиг в 2013 году \$4.16 трлн, а ее объем торговли с пятью государствами Центральной Азии – \$50.28 миллиарда. См: *op cit* Xinhuanet (2014 г.).

124 У США были военные базы в Манасе под Бишкеком, Кыргызстан, с 2001 по 2014 гг. и в Карши-Ханабаде («K2») в Узбекистане с 2001 по 2005 гг. Закрытие базы в Манасе совпало с сокращением контингента МССБ в Афганистане, но также явилось следствием давления со стороны правительства Кыргызской Республики, которое требовало закрытия базы. База «K2» закрылась в 2005 году в результате ухудшения отношений между Узбекистаном и США после расстрела правительственными силами участников протестов в городе Андижане.

остальным факторам. Такое выделение означало бы упрощение сложной и постоянно меняющейся ситуации, где в разные периоды на передний план выходили разные соображения, и предполагало бы наличие генеральной стратегии в отношении этого региона, существование которой трудно обосновать. На самом деле, возвращаясь к вопросу о характеристиках китайской внешней политики, можно выделить тенденцию, в которой сочетаются приверженность принципам и прагматизм.

4.4 Экономика

Несмотря на дебаты о том, какой из этих факторов играет преобладающую роль, Китай является сегодня основным экономическим игроком в странах Центральной Азии, и, соответственно, обладает значительными рычагами влияния по крайней мере в некоторых из них. Экономические отношения осуществляются на нескольких уровнях и в целом ряде секторов. Темпы двусторонней торговли выросли, особенно с 2002 года, и продолжают ускоряться.

Данные о двустороннем товарообороте между Китаем и государствами Центральной Азии в 2013 г. (единица измерения: US\$ 1,000)¹²⁵

Страна	Объем торговли	Объем экспорта (Китай как экспортер)	Объем импорта (Китай как импортер)	По сравнению с 2012 г. (%)		
				Объем торговли	Объем экспорта	Объем импорта
Kazakhstan	28,594,340	12,545,870	16,048,470	11.3	14.0	9.3
Kyrgyzstan	5,137,620	5,075,350	62,270	-0.5	0.0	-30.0
Tajikistan	1,958,010	1,869,260	88,750	5.5	6.9	-18.5
Turkmenistan	10,034,800	1,141,550	8,893,250	-3.3	-32.8	2.5
Uzbekistan	4,550,970	2,613,230	1,937,740	58.3	46.5	77.5

Рост товарооборота между Центральной Азией и Китаем происходит главным образом за счет импорта углеводородов. На Центральную Азию – в основном Казахстан и Туркменистан – приходится более 10 процентов китайского импорта нефти и газа.¹²⁶ Китай осуществил значительные капиталовложения в регионе, чем обеспечил себе значительную, хотя и далеко не доминирующую, долю на конкурентном рынке.¹²⁷ Именно в углеводородном секторе интересы Китая наиболее очевидно конфликтуют с интересами России и других международных игроков. Россия удерживала доминирующее положение в регионе до 1991 года, когда государства Центральной Азии объявили независимость. После этого ее монополия на торговлю нефтью была разбита – в основном западными компаниями, такими как BP, Chevron и ExxonMobil. Тем не менее, как владелец газопроводной сети региона, Россия продолжала контролировать экспорт газа из Туркменистана, где находятся самые большие в регионе запасы. Эта ситуация сохранялась до 2009 года, когда было завершено строительство трубопровода из Туркменистана в Китай.

¹²⁵ Министерство коммерции КНР (2014 г.), «Обзор двустороннего товарооборота Китая с европейскими странами в 2013 году», 7 марта, <http://ozs.mofcom.gov.cn/article/date/201403/20140300510511.shtml> В 2013 году, 4 процента от общего объема импорта нефти в Китай приходилось на Казахстан (занимающего 8-ое место в списке экспортеров в Китай). При этом 88,22 процентов импорта трубопроводного газа в Китай приходилось на Туркменистан, 10,45 на Узбекистан и 0,56 процента на Казахстан.

¹²⁶ Управление энергетической информацией США (2014 г.), «Анализ по странам – Китай, 4 февраля, www.eia.gov/countries/cab.cfm?fips=ch; и Вайт М, Фуа Д (2014 г.), «Импорт природного газа в Китай – перспективы роста», *King & Spalding's Energy Newsletter*, 10 сентября, www.energylawexchange.com/natural-gas-imports-china-prospects-growth/

¹²⁷ К самым значимым капиталовложениям относятся: приобретение компанией CNPC за \$4,2 млн компании ПетроКазахстан в 2005 году; строительство трубопровода Атырау-Алашанькоу, в котором приняли участие CNPC и казахская компания КазМунайГаз, для транспортировки нефти в Синьцзян, трубопровод был сдан в 2009 году; и завершение строительства газопровода длиной 1 830 км, соединяющего газовые месторождения на востоке Туркменистана с китайской сетью трубопроводов.

Китай является относительным новичком в углеводородном секторе Центральной Азии, но его доля в этом секторе несомненно возрастет из-за растущего спроса и значительного объема инвестиционного капитала. Китай, например, воспользовался мировым финансовым кризисом 2008 года, чтобы расширить свое присутствие в секторе, предлагая кредиты испытывающим недостаток средств странам для заключения энергетических сделок в условиях достаточно мягкой конкуренции.¹²⁸ Отношение центральноазиатских государств к экспансии Китая и усилению его контроля над своими ресурсами – это уже другой вопрос. Туркменистан, например, активно поддерживает проект строительства газопровода из Туркменистана в Афганистан, Пакистан и Индию (ТАПИ), который позволит сократить зависимость страны от Китая и России в том, что касается экспорта газа.¹²⁹

Китай также интересуют ресурсы Центральной Азии в целом. Так, недавно он начал проявлять интерес к неуглеводородному горнодобывающему сектору в Кыргызстане и Таджикистане.¹³⁰ Китай в последнее время также пытается получить земельные концессии в Казахстане и Таджикистане, что вызывает в этих странах неоднозначную реакцию. Заявление казахского президента Назарбаева в 2010 году, что Китай хочет арендовать миллион гектаров сельскохозяйственных угодий, привело к публичным протестам.¹³¹ Аналогичное решение правительства Таджикистана в марте 2011 года сдать сельскохозяйственные земли в аренду Китаю было сочтено слишком политически рискованным, чтобы публиковать его в местных средствах массовой информации.¹³²

Тем не менее, расширяющиеся экономические отношения между Китаем и странами Центральной Азии не основаны исключительно на добыче ресурсов. Важным приоритетом также является экономическое развитие региона в целом, где Синьцзян играет роль центра. Внутри самого Китая Синьцзян продолжает оставаться основным приоритетом в области экономического развития. Синьцзяну нужны рынки сбыта в непосредственной периферии. Кроме того, как Синьцзяну, так и Китаю в целом нужны альтернативные маршруты на рынки в удаленных регионах, чтобы преодолеть зависимость от морских путей в восточном и южном направлениях. Стимулирование экономики Синьцзяна является важным приоритетом в государственной политике Китая. Примерами такого стимулирования является то, что экономически процветающие китайские провинции обязаны «усыновлять» какую-либо префектуру в Синьцзяне и жертвовать на ее развитие часть своего ВВП, а также бесплатно предоставлять людские ресурсы и техническую экспертизу.

Пекин таким образом пытается создать в Синьцзяне региональный центр, а государства Центральной Азии представляются в этом контексте экономической глубинкой, которая будет подпитывать развитие Синьцзяна. Судя по имеющимся данным, государственно-частные банки получают от китайского правительства директивы на инвестирование в развитие транспортной и коммуникационной инфраструктуры между Синьцзянем и Центральной Азией и в развитие региона в целом. Так, китайские компании недавно провели реконструкцию дороги по обе стороны от двух основных

128 В апреле 2009 года Китай и Казахстан заключили сделку (в рамках программы «кредиты в обмен на нефть») на \$10 млрд, а в июне 2009 года Китай предоставил еще один кредит на \$10 млрд странам ШОС, чтобы помочь им преодолеть последствия экономического спада, и пообещал Туркменистану \$4 млрд на разработку месторождения Южный Иолотань.

129 Танхум М (2015 г.), «Прорыв в ситуации вокруг газопровода ТАПИ?», *The Diplomat*, 20 марта, <http://thediplomat.com/2015/03/a-breakthrough-on-the-tapi-pipeline/>; см. также: Дали Дж. С. К. (2014 г.), «Опоздавший к началу игры – Индия проявляет интерес к энергоносителям Центральной Азии», *Silk Road Reporter*, 21 августа, www.silkroadreporters.com/2014/08/21/late-game-india-eying-central-asian-energy/

130 Кабар (2014 г.), «Китайские компании получили 79 лицензий на разработку золоторудных месторождений в Кыргызстане», 23 июня, <http://kabar.kg/eng/economics/full/2095>; см. также: Центрально-азиатский геопортал, «Опыт добычи – Таджикистан»; www.cac-geoportal.org/ru/index.php/mining-experiences/2013-02-27-18-45-02/mining-ex-tj

131 Петерсен А, Барыш К (2011 г.), «Россия, Китай и энергетическая геополитика в Центральной Азии», Центр европейских реформ, стр. 45–46.

132 *Op cit* Pantucci (2015), стр. 16.

пограничных переходов между Синьцзяном и Кыргызстаном, а в 2012 году был открыт новый железнодорожный маршрут в Казахстан. Китай также преследует амбициозные планы построить железнодорожную линию через Кыргызстан в Узбекистан, хотя на данный момент реализация этих планов приостановлена по местным политическим соображениям.

Помимо этого, китайские инвестиции часто отражают национальные приоритеты правительства в регионе под широкой рубрикой развития. В Таджикистане, например, Китай построил трассу Душанбе-Худжанд, включая тоннели, и реализовал другие важные инфраструктурные проекты в столице и ее окрестностях. По всей видимости, как и в других регионах мира, китайские инфраструктурные компании воспользовались первоначальным кредитным финансированием, чтобы закрепиться в Центральной Азии, после чего они начинают активно конкурировать за местные контракты и расширять свою долю рынка, зачастую в ущерб местным подрядчикам.

Концепция создания «Экономического пояса Шелкового пути», впервые предложенная Председателем КНР Си Цзиньпинем в сентябре 2013 года, во время визита в регион, обеспечила политическую платформу для дальнейшего ускорения экономической экспансии и интеграции Китая в Центральной Азии. Эта концепция сейчас является частью более широкого генерального плана, включающего один пояс (Экономический пояс Шелкового пути через Центральную и Западную Азию в Европу), один морской путь (Морской Шелковый путь 21-го века, идущий через Малаккский пролив в Индию, Ближний Восток и Восточную Африку) и два экономических коридора (экономический коридор Китай-Пакистан и экономический коридор Бангладеш-Китай-Индия-Мьянма).

Географическое и стратегическое значение Синьцзяна, находящегося в центре Экономического пояса Шелкового пути, возросло. Выставка «China-Eurasia Expo», ежегодно проходящая в Урумчи, столице провинции Синьцзян, стремительно превращается в краеугольный камень публичной политики вокруг Экономического пояса Шелкового пути.¹³³ Цель этой выставки – стимулировать внутренние инвестиции и торговые связи вдоль всего «экономического пояса». Центральная Азия, в том числе Синьцзян, позиционируются при этом как главный центр на этом пути. Выставка широко освещается в средствах массовой информации, и на нее приезжают китайские государственные и региональные лидеры. На полях этой выставки уже подписан ряд важных соглашений.¹³⁴

Кроме этих формальных инвестиций в регионе, между Китаем и странами Центральной Азии уже в течение некоторого времени устанавливались связи согласно более органическим моделям экономического развития. Так, между Китаем и Центральной Азией уже на протяжении многих лет осуществляется значительный объем торговли усилиями китайских коммерсантов и мелких и средних предприятий. Они привозят в основном дешевые потребительские товары в Кыргызстан и Казахстан, и эти товары затем продаются в регионе и за его пределами. Это привело к появлению в странах Центральной Азии крупной китайской диаспоры.

Однако экономическая экспансия Китая в Центральную Азию не проходит беспрепятственно. В 2010 году Россия вместе с Белоруссией и Казахстаном сформировала Евразийский таможенный союз, а в январе 2015 года он был преобразован в ЕврАзЭС. В конце 2014 года были подписаны договоры о вступлении в ЕврАзЭС Армении и Кыргызстана. Армения официально

¹³³ До «China-Eurasia Expo», начиная с 1992 года, в Урумчи ежегодно проводилась ярмарка внешнеэкономических связей и торговли. В 2011 году это мероприятие было преобразовано в «China-Eurasia Expo».

¹³⁴ *Xinhuanet* (2011), «В Урумчи будет создан турецкий промышленный парк», 2 сентября, http://news.xinhuanet.com/2011-09/02/c_121956021.htm, см. также http://news.xinhuanet.com/2012-09/03/c_112943390.htm

присоединилась к ЕврАзЭС в январе 2015 года, а договор о вступлении Кыргызстана должен вступить в силу в мае 2015 года. ЕврАзЭС – инициатива, нацеленная на создание широкомасштабного экономического альянса между государствами бывшего СССР, – может отрицательно повлиять на китайские торговые интересы в регионе. Так, может пострадать прибыльная торговля китайскими товарами, ввозимыми через Кыргызстан для продажи в регионе в целом, хотя пористые границы и процветающий черный рынок скорее всего ограничат эффективность механизмов ЕврАзЭС в этой связи.¹³⁵ Однако недавнее снижение курса рубля делает дальнейшую экономическую интеграцию с Россией значительно менее привлекательной.¹³⁶

4.5 Политика и культура

Некоторые эксперты считают, что Китай занял довольно примирительную позицию в своих отношениях со странами Центральной Азии. В первые годы постсоветской эпохи между Китаем и странами Центральной Азии оставался нерешенным ряд проблем, связанных с демаркацией границы. Большинство из этих проблем были впоследствии решены. При этом Китай повел себя достаточно щедро, согласившись на условия, выгодные для его соседей, что не обязательно отражало дисбаланс сил между сторонами. Некоторые наблюдатели утверждают, что такое урегулирование вопросов демаркации границы явилось отражением определенной доли неуверенности внутри китайского руководства на тот момент и нежелания перегнуть палку в регионе смешанных этнических идентичностей и лояльностей. Иными словами, китайские руководители хотели обрести легитимность за счет территориальных уступок, чтобы застраховаться от возможных сепаратистских претензий в будущем.¹³⁷ Это легко понять, так как в то время Китай искал политических союзников – после того, так как его международная репутация пострадала в результате событий на площади Тяньаньмэнь в 1989 году.

Китай продолжает проявлять деликатность и в текущих отношениях, следуя стратегии «добрососедства». Такой подход стал еще более очевидным в последнее время, когда Пекин начал уделять повышенное внимание «соседской» или «периферийной» дипломатии.¹³⁸ Нет убедительных свидетельств того, что Китай использует свое растущее экономическое влияние, чтобы оказывать открытое политическое давление на внутренние дела стран Центральной Азии. Было зарегистрировано несколько единичных случаев, например, когда кыргызская полиция разогнала демонстрацию движения Фалуньгун перед китайским посольством в 2005 году,¹³⁹ или общий призыв к центральноазиатским соседям играть более активную роль в борьбе с уйгурским сепаратизмом.¹⁴⁰ Однако доказательств, указывающих на более агрессивную роль Китая, нет.

¹³⁵ Марат Е (2014 г.), «Кыргызстан, экспортеры китайских товаров против соглашений Кремля в регионе», Китай в Центральной Азии, 4 сентября, <http://chinaincentralasia.com/2014/09/04/kyrgyzstan-exporters-of-chinese-goods-against-kremlins-regional-arrangements/>

¹³⁶ «Пробуждение рубля Центральной Азии», *The Diplomat*, 3 февраля, <http://thedi diplomat.com/2015/02/central-asias-ruble-awakening/>

¹³⁷ Фравел М. Т. (2005 г.), «Неуверенность режима и международное сотрудничество: Причины компромиссов со стороны Китая в территориальных спорах», *International Security* 30 (2), стр. 46–83.

¹³⁸ Председатель Си Цзиньпин особо подчеркнул преимущества «соседской дипломатии», разъясняя политику Китая в отношении Центральной Азии в ходе своего визита в регион в сентябре 2013 года. В октябре 2013 года, в Пекине прошла конференция, посвященная китайской «периферийной дипломатии», на которой подчеркивалась стратегическая важность дипломатического взаимодействия с соседними странами. Периферийная дипломатия предполагает более тесные связи с соседними странами, более дружественные политические отношения, более тесные экономические связи, более глубокое сотрудничество в области безопасности и более близкие межличностные контакты. Таким образом, цель периферийной дипломатии – поддержание благоприятной внешней среды, содействующей развитию и стабильности Китая. Преимущества соседской дипломатии были еще раз подчеркнуты на Центральной конференции по международным отношениям в ноябре 2014 года.

¹³⁹ Ротар И (2005 г.), «Кыргызстан: Регистрация Фалуньгуна отменена в результате давления со стороны Китая», Радио Свободная Европа, 22 марта, www.refworld.org/docid/46891914d.html

¹⁴⁰ *Xinhuanet* (2013 г.), «Синь Цзиньпин провел беседу с президентом Казахстана Назарбаевым», 7 сентября, http://news.xinhuanet.com/world/2013-09/07/c_117272640_2.htm

Несмотря на отсутствие агрессивности со стороны Китая, во всех странах региона выражается озабоченность по поводу растущего долга перед Китаем и возможных будущих претензий с его стороны. Хотя на правительственном уровне продолжает доминировать теплый и почтительный тон, исследования показывают, что, когда речь заходит об отношении к растущему китайскому присутствию и влиянию в регионе среди населения центральноазиатских стран, реакция далеко не однозначная – налицо признаки как синофобии, так и синофилии. В целом, в отношении к Китаю население центральноазиатских стран испытывает чувство беспокойства и страха перед неизвестным. Центральноазиатские народы испытывают большую культурную близость с Россией, и, возможно, с Западом, чем с Китаем. По данным опросов, народы Центральной Азии испытывают более высокий уровень доверия к России, чем к Китаю.¹⁴¹ Однако, в энтузиазме, с которым молодежь региона отнеслась к новым возможностям для изучения китайского языка в качестве основы для будущих экономических возможностей, возможно просматривается ориентир на будущее.¹⁴²

Китайские наблюдатели признают, что у Китая относительно неблагоприятный национальный имидж в регионе несмотря на то, что его присутствие там расширяется. Они объясняют такое восприятие Китая сочетанием исторических факторов, таких как антикитайская пропаганда в советские времена, рост китайского экономического присутствия в регионе, а также рост числа китайских иммигрантов в Центральной Азии. Китайские ученые также считают, что отсутствие культурной близости и непонимание ценностей друг друга являются факторами, препятствующими положительному восприятию Китая в регионе.¹⁴³

В течение последних нескольких лет Китай предпринял ряд мер для укрепления своей «мягкой силы» в регионе. В каждой стране Центральной Азии созданы Институты Конфуция, где предлагаются курсы китайского языка и которые также служат окном в китайскую культуру. В 2013 году Китай объявил десятилетний план, предусматривающий предоставление 30 000 государственных стипендий гражданам государств-членов ШОС и финансирование ознакомительных поездок в Китай для 10 000 преподавателей и студентов из Институтов Конфуция в этих странах.¹⁴⁴ Передачи центрального китайского телевидения и телевидения Синьцзяна теперь транслируются и в Центральной Азии. В совокупности эти инициативы отражают стремление Китая быть лучше понятым вне формальной сферы межправительственных отношений.

4.6 Безопасность

ШОС, организация, где *де-факто* доминирует Китай, продолжает играть роль центра координации по вопросам сотрудничества в сфере безопасности стран региона. Китай также считает ее инструментом укрепления региональной стабильности. За первоначальными мерами по выстраиванию доверия между странами-членами последовала выработка более четких перспектив дальнейшей работы на основе принципов коллективной ответственности за

141 Ларуэль М, Пейруз С, (2009 г), «Китай как сосед: Угол зрения и стратегия Центральной Азии», Институт Центральной Азии и Кавказа и Программа по изучению Шелкового пути, Университет Джонса Хопкинса SAIS, Институт политики безопасности и развития, Швеция, стр. 177.

142 *Ibid*, стр. 180–181.

143 Чжао Х (2014 г.), «Россия, США, Китай и Европейский союз в Центральной Азии: Сравнение и взаимосвязи между политическими ценностями», журнал Педагогического университета Синьцзяна, № 4, www.faobserver.com/NewsInfo.aspx?id=10549; Го Ч (2014), «Национальный имидж Китая в Центральной Азии: Practices, Challenges and Recommendations», in *Xinjiang Social Sciences*, No. 1, www.faobserver.com/NewsInfo.aspx?id=9852; Ни Дж (2006 г.), «Коммуникация китайской культуры и создание позитивного имиджа Китая в Центральной Азии», *International Communication*, № 12, стр. 39–41.

144 Ву Ш, Чжан И (2014 г.), «Си предлагает новый Шелковый путь из Китая в Центральную Азию», *China Daily*, 8 сентября, http://usa.chinadaily.com.cn/china/2013-09/08/content_16952304.htm

организацию противодействия «трем силам зла», т.е. терроризму, сепаратизму и экстремизму. Для этого потребовалось создание организационно-правового механизма в виде Секретариата ШОС в Пекине и Региональной антитеррористической структуры (РАТС) в Ташкенте. Между тем, в последнее время ШОС начинает проявлять повышенный интерес к установлению контактов с внешним миром и к более широкому спектру направлений политического сотрудничества.

В рамках возможного расширения ШОС на саммите в июле 2015 года предполагается включить в ее состав Индию, Иран и Пакистан в качестве полноправных членов, что может придать больший вес этому объединению и укрепить надежды на обеспечение региональной стабильности, не полагаясь на помощь внерегиональных субъектов (в частности, таких как США). Как заявил председатель КНР Си Цзиньпин в своем обращении к участникам саммита 2014 года, ШОС «должна сделать обеспечение безопасности и стабильности в регионе своей личной ответственностью, укреплять нашу способность поддерживать стабильность, продолжать развивать сотрудничество в вопросах исполнения законов и обеспечения безопасности, а также постоянно улучшать имеющийся механизм сотрудничества».¹⁴⁵

Укрепление надежд и возможное будущее расширение членского состава ШОС, происходящее на фоне вывода контингента МССБ из Афганистана, наводит на мысль о том, что Китай, вероятно, рассматривает продолжающуюся нестабильность, в том числе и за пределами региона, в качестве зоны, требующей более активного вмешательства в рамках своей провозглашенной ответственности. Как отмечают многие комментаторы, Китай заинтересован, и, в потенциале, располагает необходимыми ресурсами, чтобы изменить жизнь к лучшему в Афганистане. Он очень серьезно заинтересован в обеспечении стабильности для своего развивающегося экономического пояса и в недопущении дальнейшей радикализации уйгурского населения в регионе. При этом Китай имеет конкретные рычаги влияния на Пакистан, который является его давним региональным союзником. Судя по последним дипломатическим инициативам Китая, он явно демонстрирует готовность играть свою роль в процессе мирного урегулирования ситуации в Афганистане. В феврале 2014 года министр иностранных дел Китая Ван И впервые за много лет посетил Кабул¹⁴⁶; новый Президент Афганистана Ашраф Гани нанес визит в Пекин в октябре 2014 года,¹⁴⁷ а в ноябре 2014 года китайский министр общественной безопасности Го Шэнкунь побывал с официальным визитом в Афганистане.¹⁴⁸ Между тем, хотя это и не было подтверждено официально, сообщалось, что делегация Талибана посетила Пекин в ноябре/декабре 2014

¹⁴⁵ http://news.xinhuanet.com/english/china/2014-09/13/c_126981598.htm

¹⁴⁶ Ван И в ходе ряда встреч с высокопоставленными афганскими чиновниками неоднократно подчеркивал готовность Китая содействовать укреплению сотрудничества в сфере безопасности, например, в борьбе с терроризмом, против Исламского движения Восточного Туркестана (ИДВТ) и международной преступности. Китай предложил организовать обучение и оказать техническую помощь афганским ВС и полиции и обратился к афганским властям с просьбой принять необходимые меры для обеспечения охраны китайских учреждений и персонала в Афганистане. Министерство иностранных дел Китая (2014 г.): «Ван И провел переговоры с министром иностранных дел Афганистана Зараром Ахмед Мокбель Османи», 23 февраля, www.mfa.gov.cn/ce/cecz/cze/zgxw/t1131891.htm; МИД (2014), «Ван И встретился с советником по национальной безопасности Президента Афганистана Рангином Дадфар Спантой», 23 февраля, <http://il.china-embassy.org/eng/zgxw/t1131892.htm>

¹⁴⁷ Президент Гани в рамках государственного визита принял участие в конференции министров Стамбульского процесса по Афганистану. Председатель КНР Си Цзиньпин пообещал поддержку со стороны Китая в процессах мирного восстановления в Афганистане и укрепления сотрудничества в вопросах исполнения законов и обеспечения безопасности, а также в борьбе с «тремя силами зла» и наркопреступностью. См.: МИД Китая (2014 г.), «Си Цзиньпин провел переговоры с Президентом Афганистана Ашрафом Гани. Отмечено, что Китай дает высокую оценку развитию китайско-афганского стратегического сотрудничества и партнерства и надеется на обеспечение прочного мира для стабильного развития Афганистана», 28 октября, www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/t1205547.shtml

¹⁴⁸ Во время этого визита, стороны договорились об активизации обмена информацией и усилении пограничного контроля, а также о проведении совместных операций правоохранительными органами в рамках борьбы с транснациональными угрозами, такими как незаконная иммиграция, контрабанда людьми, незаконный оборот оружия и наркотиков. Китай взял на себя обязательство провести обучающие семинары по контртеррористическим операциям и борьбе с наркотрафиком. Guanacha (2014 г.), «Президент Афганистана Гани встретился с министром общественной безопасности Го Шэнкунем», 1 декабря, www.guanacha.cn/Neighbors/2014_12_01_302103.shtml

года.¹⁴⁹ В феврале 2015 года в Кабуле прошел первый раунд переговоров в рамках трехстороннего стратегического диалога Китай-Афганистан-Пакистан, в ходе которого были обсуждены планы практических мер по развитию схем двустороннего взаимодействия и сотрудничества между Афганистаном и Пакистаном.¹⁵⁰ Между тем Ван И во время своего недавнего визита в Исламабад озвучил готовность Китая «выступить в качестве посредника в Афганистане и предоставить необходимое содействие в любое время, если того потребуют любые из сторон».¹⁵¹

Особое значение, которое Китай придает в ШОС мерам по борьбе с терроризмом, отчасти обусловлено ухудшающейся ситуацией в сфере безопасности в Синьцзяне.¹⁵² В последние несколько лет там произошел ряд инцидентов, в том числе беспорядки, организованные уйгурами в 2009 году в Урумчи, в результате которых погибло почти 200 человек; взрыв террористов-самоубийц на площади Тяньаньмэнь, организаторами которого считаются «уйгурские террористы»; массовое нападение террористов в округе Кашгар в 2013 году, ответственность за которое была возложена на религиозных экстремистов, и теракт, совершенный в 2014 году на железнодорожной станции в городе Куньмин, который по мнению властей был подготовлен «террористами» из Синьцзяна. Все эти факты свидетельствуют о резком обострении давнего конфликта между китайскими властями и жителями Синьцзяна.

Это привело к ужесточению мер безопасности в Синьцзяне, где в последние годы было проведено несколько операций по «силовой зачистке». При этом и сейчас не наблюдается почти никаких признаков существенных перемен в китайской политике обеспечения безопасности в отношениях с центральноазиатскими государствами. Китай призывает страны-члены ШОС к выработке общей позиции. Уже были проведены испытания оперативного взаимодействия на уровне вооруженных сил и спецслужб, а также оценка эффективности совместных операций в зонах пограничного контроля.¹⁵³ Однако, похоже, что и на этом Китай не остановился и продолжает укреплять военный потенциал стран Центральной Азии, не говоря уже о расширении своего зарубежного присутствия в сфере безопасности.

Однако настоящей новостью стали появившиеся сообщения о том, что Китай собирается принять свой первый закон о борьбе с терроризмом. И хотя этот закон, главным образом, нацелен на организацию борьбы с терроризмом внутри страны, по имеющимся данным, статья 76 законопроекта посредством некоего процедурного механизма санкционирует проведение Китаем операций за рубежом, позволяя тем самым представителям военного ведомства или службы государственной безопасности выполнять оперативные задания за границей по согласованию со страной пребывания.¹⁵⁴

149 МИД Китая (2015 г.), «Очередная пресс-конференция представителя Министерства иностранных дел Хон Лей», 6 января, www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/xwfw_665399/s2510_665401/2511_665403/t1225965.shtml

150 В ходе обсуждения особое внимание было уделено вопросам политики, безопасности, борьбы с терроризмом и экономическим проблемам, а также, в частности, были рассмотрены планы поездок в Китай делегации сенаторов, СМИ, дипломатов и представителей исследовательских центров Афганистана и Пакистана, а также инфраструктурным проектам, направленным на укрепление экономической интеграции между Афганистаном и Пакистаном. См.: МИД Китая (2015 г.), «Очередная пресс-конференция представителя Министерства иностранных дел Хуа Чуньин», 10 февраля, www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/xwfw_665399/s2510_665401/2511_665403/t1225965.shtml

151 CCTV (2015), «Ван И: Китай готов содействовать прогрессу в Афганистане», 13 февраля, <http://english.cntv.cn/2015/02/13/VIDE1423793761927475.shtml>

152 См.: *China West News* (2015 г.), «Совещание с повесткой о политической и правовой работе партийного комитета автономного района», от 10 февраля, www.xjfb.com/contents/6/69349.html; а также Ли Ш (2014 г.), «Анализ ситуации в Синьцзяне и политики поддержания стабильности», июль, www.21ccom.net/articles/zgyj/dfzl/article_20140731110346.html

153 В совместных военных учениях в рамках ШОС, именуемых «Мирные миссии», были задействованы ВС всех шести государств-членов. С 2007 года, когда эти учения начали проводиться, они увеличились как в размерах, так и в масштабах охвата. Хотя они преподносятся как учения в рамках борьбы с терроризмом, там производятся испытания всего военного потенциала, и по мнению некоторых экспертов их можно считать неким механизмом проверки боеготовности китайских ВС под прикрытием многосторонней организации.

154 *Op cit* Мартина М (2015 г.).

Имеющаяся в открытом доступе информация о китайской финансовой и технической помощи в сфере безопасности государствам Центральной Азии весьма ограничена. Но доступные источники свидетельствуют о том, что основная помощь направляется в Кыргызстан и Таджикистан. Китай считает Кыргызстан самым слабым звеном по части безопасности, поскольку там проживает очень много уйгуров, слабое правительство и протяженная граница с Китаем. Что касается Таджикистана, то Китай в этой стране больше всего беспокоит угроза нестабильности, которая проникает туда через границу с Афганистаном.¹⁵⁵ Из имеющихся данных известно, что помощь в сфере безопасности, предоставляемая обеим странам, до сих пор была ограничена, но в самое ближайшее время она может существенно возрасти.¹⁵⁶

Несмотря на озабоченность Китая по поводу стабильности в этих странах, он не проявил особой готовности вмешаться или выступить в качестве посредника во время беспорядков, сопровождавшихся насильственными действиями, возникших в 2010 году в Кыргызстане в результате столкновений между кыргызами и узбеками, которые являются представителями меньшинства, унесших жизни почти 500 человек, или в 2010 году во время восстания в Раштской долине в Таджикистане. В результате беспорядков в Кыргызстане Китай все-таки сделал официальное заявление, отметив что он «глубоко обеспокоен развитием ситуации», и призвал к «скорейшему восстановлению порядка и стабильности в стране».¹⁵⁷ Китайское посольство также организовало эвакуацию китайских граждан из пострадавших районов, и впоследствии Китай представил \$1,18 миллионов на оказание гуманитарной помощи Кыргызстану (и еще \$440,250 в качестве гуманитарной помощи Узбекистану для обустройства беженцев из Кыргызстана). Однако Китай воздержался от какого-либо более существенного участия.

Россия остается наиболее важным субъектом гарантии безопасности в Центральной Азии. Принимая во внимание значительное военное присутствие России в этом регионе, она имеет все возможности для адекватного реагирования в случае возникновения кризиса, и несет прямую ответственность, вытекающую из двусторонних соглашений с государствами Центральной Азии, причем в большей степени по сравнению с многосторонними обязательствами в рамках таких организаций как ОДКБ или ШОС.¹⁵⁸ Следует ли квалифицировать относительную пассивность Китая в регионе в вопросах безопасности как его приверженность принципу невмешательства, или как стратегическое решение оставить эту сферу в распоряжении России – тема дискуссионная. Пока, по крайней мере, в тех вопросах, по которым их интересы в целом совпадают, Россия, приняв эту роль на себя, будет и дальше действовать в интересах Китая. Китай может продолжать экономическое развитие, нисколько не заботясь о своей собственной безопасности в плане обеспечения защиты интересов своей растущей экономики.

155 *Op cit* Пантуччи Р (2015 г.), стр. 19.

156 По имеющейся информации Китай ведет переговоры о продаже систем ПВО в Кыргызстан, а Таджикистану обещал значительные суммы в рамках военно-технического сотрудничества. См. Кучера Дж. (2015 г.), «Совершил ли Китай свою первую крупную сделку по продаже военной техники в Центральной Азии?», Eurasianet, 6 февраля, www.eurasianet.org/node/71971; см. Sina (2014), «Российское информационное агентство сообщает, что китайские ВС предоставят 1 миллиард юаней Кыргызским ВС», 5 сентября, <http://mil.news.sina.com.cn/2014-09-05/0932799345.html>; Дж. Кучера (2014 г.), «Китай усиливает военную помощь, направляемую в Кыргызстан, Таджикистан», Eurasianet, 5 сентября и Кучера Дж. (2014 г.), «Китай обещает Таджикистану 'Сотни миллионов долларов' в рамках военной помощи», Eurasianet, 1 апреля, www.eurasianet.org/node/68216

157 См. комментарии пресс-секретаря Министерства иностранных дел по ситуации в Кыргызстане от 9 апреля, 19 апреля, 19 июня, 30 июня и 7 июля 2010 года на вебсайте по адресу: www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/xwfw_665399/s2510_665401/

158 Олифант К. (2013), «Роль и интересы России в Центральной Азии», Saferworld, октябрь.

4.7 Выводы

В этом последнем разделе мы рассмотрим последствия новой роли Китая в Центральной Азии в контексте динамики развития конфликтов и обеспечения безопасности в регионе. Сначала мы проанализируем те факторы, которые потенциально могут сблизить Китай и центральноазиатские страны и углубить отношения между ними.

Альтернативная модель

Сочетание сильной государственной власти и свободного рыночного капитализма, несомненно, привлекает руководство государств Центральной Азии, ибо они заинтересованы в развитии экономики и, при этом, хотели бы держать под жестким контролем любые проявления инакомыслия и не допускать социальных волнений. Экспорт этой модели посредством реализации идеи «Экономического пояса Шелкового пути», или в каком-то ином формате, является неплохой альтернативой не только для российских и западных школ экономического развития, но и для рецептов, выдаваемых такими учреждениями, как Всемирный банк и МВФ.

Взаимная выгода

Китайские инвестиции поддерживают экономическое развитие стран региона и, в основном, повышают популярность их руководства в глазах граждан. В то же время такое растущее присутствие в регионе создает плацдарм для вывода китайских производителей на новые рынки, а также обеспечивает Китаю дополнительные преимущества в стремлении заполучить более благоприятные условия при приобретении ресурсов, необходимых для поддержания экономического роста.

Сокращение зависимости от России

С появлением нового крупного торгового партнера, такого как Китай, центральноазиатские государства становятся менее зависимыми от России, что, в свою очередь, усиливает их переговорные позиции. И это особенно важно в момент, когда экономика России находится в кризисном состоянии, а рублевые денежные переводы, которые имеют огромное значение для экономики таких стран, как Кыргызстан и Таджикистан, обесцениваются.

Единая оценка безопасности

Правительства стран Центральной Азии во многом разделяют обеспокоенность Пекина в отношении этнического сепаратизма и религиозного экстремизма, равно как и угрозы транснациональной преступности и терроризма. Она возникает, преимущественно, на фоне угроз насилия и нестабильности в Афганистане, которые распространяются по всему региону. Особую озабоченность вызывает то, что исламские боевики из стран Центральной Азии или Синьцзяна могут в Афганистане получить не только убежище, но и финансовую и техническую помощь. Государства Центральной Азии прислушиваются к тезисам и риторике Китая об угрозах и, в частности, когда речь заходит о «трех силах зла», т.е. терроризме, экстремизме и сепаратизме. Такая риторика может применяться как для оправдания репрессий активистов и диссидентов, так и с тем, чтобы заручиться международной поддержкой.

Единая оценка суверенитета

Государства Центральной Азии, осознавая раздробленность общества, во многом разделяют позицию Китая по отношению к суверенитету и

невмешательству. Китай, как правило, положительно отзываясь о руководстве стран Центральной Азии и редко высказывает критику в их адрес по поводу методов урегулирования ими внутренних и межрегиональных споров. Примечательно то, что Президенту Путину не удалось заручиться поддержкой, которую он рассчитывал получить от Китая и центральноазиатских государств на саммите ШОС-2014, в отношении действий России в Украине. Такая позиция отражает общее нежелание поощрять или легитимизировать ирредентизм на их собственной территории.

И все-таки, несмотря на всю притягательную силу этих факторов, вряд ли следует рассчитывать на столь уж быстрое и тесное сближение государств Центральной Азии с Китаем. Некоторые факторы могут помешать налаживанию таких отношений.

Замена одного гегемона другим?

Нельзя считать центральноазиатские государства просто пешками в процессах, ведущих к изменению баланса сил в Центральной Азии. Совершенно очевидно, они стремятся утвердиться в качестве независимых государств после многих десятилетий пребывания под контролем Москвы. Растущее влияние Китая, несмотря на подчеркнутое благодушие и сосредоточенность на экономической интеграции, порождает беспокойство по поводу его более долгосрочных намерений. Это беспокойство подпитывает националистические настроения в некоторых странах Центральной Азии и усиливает диссонанс между официальной и общественной позициями в отношении Китая.

Учет местной специфики и восприятия

Все государства Центральной Азии в определенной степени страдают от нестабильности, обусловленной их недавней историей, но Таджикистан и Кыргызстан характеризуются особыми признаками неустойчивости. Если, с учетом этих обстоятельств, к китайским инвестициям будут относиться без должного понимания, то это может обострить напряженность в отношениях между разными группами местного населения и подорвет стабильность. Примером может служить китайский проект железной дороги из Китая через Кыргызстан в Узбекистан. По мнению некоторых аналитиков этот проект мало что дает Кыргызстану, и лишь усугубляет раскол между северной и южной частями страны, о котором речь шла выше, в разделе о конфликтных ситуациях.¹⁵⁹ Как отмечалось выше, попытки Китая оформить аренду земли в Таджикистане и Казахстане также вызвали отторжение.¹⁶⁰

Это лишь подчеркивает значение тезиса о том, что экономическое развитие само по себе не в состоянии снизить нестабильность, особенно если такое развитие проводится не комплексно и без привлечения всех заинтересованных субъектов. Более того, крупномасштабные инвестиции в экономику, если они будут осуществляться без учета местной специфики, могут лишь усугубить существующие разногласия и увековечить экономическую изоляцию страны. Наряду с существенными благами, такие инвестиции могут породить коррупцию и снижение уровня ответственности, способствовать усилению неравенства и повысить риск конфликтов, сопровождающихся насильственными действиями.

¹⁵⁹ Политические расчеты, лежащие в основе возникновения этого проекта, слишком сложны и сопряжены с местными проблемами, на которые наслаиваются геополитические факторы, а именно возражения со стороны России, которая опасается конкуренции с Транссибирской магистралью и боится, что она будет построена с китайской шириной колеи, несовместимой с принятой на российских железных дорогах. См.: Ю Б. (2014), «Китайско-Российские отношения: Слава Путина и мечта Си Цзиньпина», *Comparative Connections*, январь.

¹⁶⁰ *Op cit* Петерсен А, Барыш К (2011 г.), стр. 45–46.

Разные стимулы к сотрудничеству

За завесой многоголосой риторики в официальной среде, особенно на темы борьбы с «терроризмом», Китай и центральноазиатские государства руководствуются совершенно разными мотивами, побуждающими их к сотрудничеству и поддержке многосторонних инициатив, подобных ШОС. ШОС используется Китаем в качестве инструмента для развития отношений с центральноазиатскими государствами и для обеспечения Китаю возможности озвучивать свою позицию в рамках сотрудничества по вопросам региональной безопасности. Более бедные страны, такие как Кыргызстан и Таджикистан, преследуют цель получения финансирования и политической поддержки. Казахстан и Узбекистан рассматривают ШОС как один из элементов в значительно более многомерной внешней политике,¹⁶¹ причем у обеих стран хорошо налажены отношения с международными партнерами и за пределами региона.

Рассмотрев геополитическую ситуацию, определяющую отношения между Китаем и государствами Центральной Азии, с учетом того, что Россия остается не только региональным гегемоном, но и доминирующим субъектом обеспечения безопасности, проанализируем напоследок тенденции развития отношений Китая с Россией в этом регионе.

Брак по расчету?

Пока что создается впечатление, что Китай не возражает против главенствующей роли России в вопросах обеспечения безопасности в Центральной Азии. В своей речи, посвященной региональной безопасности, в Казахстане в 2013 году Председатель Си Цзиньпин заявил, что «Китай никогда не будет вмешиваться во внутренние дела стран Центральной Азии, не будет добиваться доминирующей роли в регионе и расширять сферу своего влияния».¹⁶² Это высказывание было истолковано китайскими комментаторами как признание и уважение неразрывных связей и доминирующей роли России в Центральной Азии.¹⁶³ На данный момент такое положение вещей, видимо, отвечает интересам Китая, поскольку оно обеспечивает относительно стабильную обстановку для экономического развития, причем Китаю не нужно брать на себя ответственность за обеспечение безопасности в регионе.

Антизападный блок?

И Россия, и Китай заинтересованы в снижении западного влияния в Центральной Азии. Ни Россия, ни Китай не хотят значительного западного военного присутствия «у себя на пороге», или чтобы правительства центральноазиатских государств попали под влияние западных моделей государственного управления. Оба предпочли бы избежать конкурентной борьбы с Западом за ресурсы региона. Устойчивое и масштабное сотрудничество между Россией и Китаем в Центральной Азии может подорвать влияние Запада. Кроме того если бы в рамках такого сотрудничества эффективно разрешались проблемы, связанные с транснациональной преступностью и незаконным оборотом наркотиков в регионе, а в Афганистане налаживалась бы стабильная жизнь, то у Запада не осталось бы повода для вмешательства.

161 *Op cit* Пантуччи P R (2015 г.), стр. 9.

162 www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/topics_665678/xjpfwzysiesgjtfhshzzfh_665686/t1076334.shtml

163 Син В. (2014 г.), «Выпущена Желтая книга Центральной Азии и Годовой отчет ШОС. Перспективы конкуренции между Китаем и Россией в Центральной Азии преувеличены», China.com.cn, 5 сентября, http://news.china.com.cn/bxt/2014-09/05/content_33437936.htm; См. тж: Хан С. (2013), «Речь председателя Си Цзиньпина о долгосрочных отношениях между Китаем и Казахстаном», 8 сентября, <http://news.qq.com/a/20130908/000277.htm>

Приглушенная и осторожная реакция Китая на конфликт в Восточной Украине является примером нежелания нарушить эту общую с Россией стратегическую антизападную позицию. Несмотря на действия России в Украине, которые, казалось бы, в корне противоречат основам китайской внешней политики, в частности, принципам уважения территориальной целостности и суверенитета, ненападения и невмешательства во внутренние дела других стран, Китай все-таки воздерживается от прямого осуждения действий России в Украине, в том числе и аннексии Крыма, боясь обидеть Россию.

Усиление конкуренции

Несмотря на достигнутый прогресс в сфере экономического, дипломатического и военного сотрудничества между Китаем и Россией, эти две страны имеют сильно отличающиеся приоритеты и стратегии в Центральной Азии.

Россия, являясь доминирующим субъектом обеспечения безопасности в Центральной Азии, неизбежно испытывает антипатию в отношении не только экономического роста Китая, но и его программы военной модернизации, которая позволит ему разрабатывать новые виды вооружений и проецировать свою силу на своих границах, в том числе и в Центральной Азии. И хотя она не может конкурировать с Китаем по показателям экономической экспансии, возрождающаяся при президенте Путине Россия преисполнена решимости вновь подтвердить свою роль в регионе Центральной Азии. Расширение ЕАЭС (см. выше) можно считать своего рода попыткой противостоять влиянию ШОС, особенно учитывая попытки Китая диверсифицировать мандат ШОС с приданием ему экономических функций. Неоднозначное отношение России к предложению Китая о создании Банка развития под эгидой ШОС отражает ее озабоченность по поводу возможного доминирования Китая в рамках такого механизма.¹⁶⁴

В заключение следует отметить, что в этой сложной и постоянно меняющейся обстановке Россия для Центральной Азии, по-видимому, останется наиболее значимой внешней силой, как в силу ее политических отношений высокого уровня, так и по линии сотрудничества в сфере безопасности. При этом, однако, роль и значение Китая, как экономического субъекта, будет только расти, постоянно и неумолимо, в масштабе всего региона. Остается открытым вопрос: намерен ли Китай конвертировать свое растущее экономическое присутствие в другие формы влияния в Центральной Азии, и если да, то в какой степени.

¹⁶⁴ Габуев А. (2015 г.), «Приручить дракона. Как использовать финансовые амбиции Китая в ШОС?», *Россия в глобальной политике*, выпуск 1, www.globalaffairs.ru/number/Priruchit-drakona-17316

Saferworld – это независимая международная организация, работающая над предотвращением насильственных конфликтов и построением безопасной жизни. Мы работаем с пострадавшим от конфликтов местным населением с целью повышения его безопасности и чувства защищенности, а также проводим исследования и анализы. Мы используем приобретенные нами данные и навыки для улучшения местных, национальных и международных политик и практик, которые могут способствовать построению прочного мира. Люди – наш приоритет; мы считаем, что каждый должен иметь возможность жить мирной, полноценной жизнью, свободной от нестабильности и вооруженных конфликтов.

Мы являемся некоммерческой организацией с программами в более 20 странах мира в Африке, на Ближнем Востоке, в Азии и Европе.

Фото на обложке: В Душанбе много качественных автобусов китайского производства, надписи на которых указаны на китайском и таджикском языках. На фотографии запечатлен один из таких автобусов перед флагами России и Таджикистана, которые были вывешены для демонстрации партнерства между двумя странами накануне визита Путина в Таджикистан в сентябре 2012. © KAREN WYKURZ

The Grayston Centre
28 Charles Square
London N1 6HT, UK

Phone: +44 (0)20 7324 4646

Fax: +44 (0)20 7324 4647

Email: general@saferworld.org.uk

Web: www.saferworld.org.uk

Registered charity no. 1043843
A company limited by guarantee no. 3015948

ISBN 978-1-909390-31-7